

К.М. Остапенко

Приложение к журналу «ПОСЕВ»

ЛЕМНОССКИЙ ДНЕВНИК

офицера Терского казачьего
войска 1920—1921 гг.

Приложение к журналу «Посев»

Константин Остапенко
Лемносский дневник
офицера Терского казачьего
войска 1920–1921 гг.

«ПОСЕВ»

2015

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(2)612

Остапенко К. М.

Лемносский дневник офицера Терского казачьего войска 1920–1921 гг. / К. М. Остапенко — «ПОСЕВ», 2015 — (Приложение к журналу «Посев»)

ISBN 978-5-906569-08-0

В дневнике и письмах К. М. Остапенко – офицера-артиллериста Терского казачьего войска – рассказывается о последних неделях обороны Крыма, эвакуации из Феодосии и последующих 9 месяцах жизни на о. Лемнос. Эти документы позволяют читателю прикоснуться к повседневным реалиям самого первого периода эмигрантской жизни той части казачества, которая осенью 1920 г. была вынуждена покинуть родину. Уникальная особенность этих текстов в том, что они описывают «Лемносское сидение» Терско-Астраханского полка, почти неизвестное по другим источникам. Издание включает статью Б. Баньи «Лемнос, казачий остров», Отчет о работе Американского Красного Креста на Лемносе Дж. Макноба и персоналии, а также редкие фотографии, часть из которых публикуется впервые.

УДК 94(470.6)

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-906569-08-0

© Остапенко К. М., 2015

© ПОСЕВ, 2015

Содержание

Сведения об авторах:	6
Предисловие	7
Оригиналы дневника и писем	9
Расшифровка Н. Остапенко (1926 г.)	10
Расшифровка В. Остапенко (1963 г.)	11
Особенности обработки текста	12
Биографический материал	13
Иллюстрации	14
Благодарности	15
Слово хранителя дневника	16
Бруно Баньи	18
Возникновение Лемносского лагеря	20
Головоломка: как быть с беженцами?	20
Избирается о. Лемнос	20
Лагеря в Чаталдже	22
На Лемнос прибывают кубанцы	22
Переброска на Лемнос донцов	23
Повседневная жизнь на Лемносе	25
Отношения между казаками и французскими властями	25
Население	27
Жилищные условия	28
Питание	28
Обмундирование	29
Кооперация	30
Здравоохранение и гигиена	30
Труд	31
Военные училища	31
Оружие	32
Конвой генерала Бруссо	32
Дисциплина	33
Преступность	34
Отношения между казаками и местным населением	35
Эвакуации и закрытие лагерей	37
Первые этапы	37
Возвращения в Россию	37
Первая репатриация, через Новороссийск	38
Вторая репатриация, через Одессу	39
Другие направления	43
Славянские страны открывают двери	43
Отъезды в Болгарию	44
В Сербию	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Лемносский дневник офицера
Терского казачьего войска 1920–1921 гг
Редакторы-составители В.
Е. Койсин и А. А. Коновалов**

© А. А. Коновалов, 2015

© Содружество «Посев», 2015

Сведения об авторах:

Койсин Виталий Евгеньевич

Родился 24 июля 1977 г. в Ленинграде.

В 2000 г. окончил С.-Петербургский морской технический университет, с 2004 г. – кандидат технических наук.

В настоящее время – научный сотрудник С.-Петербургского морского технического университета.

Автор ряда статей по механике композиционных материалов, истории церковной эмиграции, военной истории.

Коновалов Александр Алексеевич

Родился 14 мая 1944 г. в Лёвене (Бельгия).

В 1969–1976 гг. атташе по культуре посольства Бельгии в Москве. В 1976–1979 гг. на дипломатической работе при ОБСЕ (Белград, Валетта, Монрё, Бонн, Гамбург, Мадрид), далее на консульской работе в Алжире, Румынии, Финляндии, Люксембурге, Азербайджане и Перу. В 2001–2009 гг. сотрудник центрального аппарата МИД Бельгии.

В настоящее время – пенсионер.

Автор ряда поэтических переводов и статей на тему русско-бельгийских культурных связей.

Предисловие

Публикуемый «Лемносский дневник» написан Константином Михайловичем Остапенко, сотником Терско-Астраханского полка, и охватывает период с 16/29 октября 1920 г. по 8/21 июля 1921 г. Первые страницы описывают начало отступления из Северной Таврии, из Геническа, по Арабатской стрелке в Крым, далее эвакуацию на пароходе «Владимир» из Феодосии на о. Лемнос. Следующие страницы, за небольшим исключением, посвящены жизни на этом острове. Кроме дневника, публикуются письма К. Остапенко к своим братьям в Галлиполи (последнее датировано 19 июля 1921 г. ст. ст.) и несколько писем его сослуживца, сообщающего братьям о его кончине 23 августа 1921 г. ст. ст., переписка Н. Остапенко с дирекцией РЗИА, а также статья Б. Баньи «Лемнос, казачий остров», Отчет о работе Американского Красного Креста на Лемносе Дж. Макноба и персоналии.

История «Лемносского сидения» казачьих частей Русской армии, эвакуированных из Крыма в конце 1920 г., описана как в воспоминаниях очевидцев, так и в более поздних исследованиях. Из первых наиболее полными можно считать «259 дней Лемносского сидения» С. Рытченкова¹ и сборник «Казачи в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1921 гг.»². Также интересны воспоминания И. Сагацкого «Лейб-казачи на Лемносе»³, Д. Туржанского «Дневник поручика»⁴, очерки В. Даватца и Н. Львова «Русская армия на чужбине»⁵, П. Шатилова «Расселение армии по Балканским странам»⁶ и др. В связи с данной публикацией особенно важны «Записки белого офицера» Э. Гиацинтова⁷, поскольку по многим признакам можно уверенно предположить, что перед эвакуацией Крыма и в начале «Лемносского сидения» он служил в той же части (Учебно-запасной кубанской батарее), что и К. Остапенко⁸.

Некоторые из этих мемуаров («Русская Армия на чужбине», «Казачи в Чаталдже и на Лемносе», два очерка Сагацкого, отрывок из воспоминаний Гиацинтова) были в 2003 г. переизданы в сборнике «Русская Армия на чужбине. Галлиполийская эпопея»⁹. Для удобства ссылки на них будут даны по этому изданию, вместо раритетных эмигрантских.

Из числа же современных публикаций стоит особо отметить книгу Л. Решетникова «Русский Лемнос», уже несколько раз переизданную¹⁰. Также в последние десятилетия ряд авторов (С. Попова¹¹, Н. Карпов¹², С. Ауский¹³, И. Белоконь¹⁴, О. Ратушняк¹⁵, И. Ряховская¹⁶, Б.

¹ Рытченков С. В. 259 дней Лемносского сидения. Париж, 1933. Повествование в основном касается жизни Атаманского военного училища, в котором служил автор.

² Казачи в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1921 гг. Белград: изд. Донской исторической комиссии, 1924.

³ Сагацкий И. Лейб-казачи на Лемносе // Родимый Край. 1974. № 114. Эти воспоминания основаны на его же дневнике, к тому времени большей частью утерянном, но частично сохранившемся в архиве Донского Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка и изданном в 1961 г. под названием «На Лемносе» в № 47–48 журнала «Военная бль». На Лемносе Сагацкий был с 16/29 января по 4/17 июня 1921 г.

⁴ Туржанский С. Л. Дневник поручика, младшего офицера Семилетовской батареи Сводно-Партизанской дивизии Донской армии с 30 ноября 1919 г. по 28 сентября 1921 г. // Первоходник. 1976. № 29–32. На Лемносе Туржанский был с 2/15 января по 27 августа / 9 сентября 1921 г.

⁵ Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская Армия на чужбине. Белград, 1923.

⁶ Шатилов П. Н. Расселение армии по Балканским странам // Военно-исторический вестник, № 38–41. Переиздано в сборнике «Русская армия в изгнании» (М.: Центрполиграф, 2003).

⁷ Гиацинтов Э. Н. Записки белого офицера. СПб.: Интерполиграфцентр СПбФК, 1992. На Лемносе Гиацинтов был с 9/22 ноября 1920 г. примерно до начала января 1921 г. (поскольку помнит визит на остров ген. Врангеля, бывший 4/17 декабря), после чего записался во Французский Иностраннный легион и покинул остров.

⁸ Судя по всему, знакомы они не были: батарея была большая (около 500 человек), при этом, наверное, Э. Гиацинтов был в кругу бывших марковцев, а К. Остапенко – в кругу терцев.

⁹ Русская Армия на чужбине. Галлиполийская эпопея. М.: Центрполиграф, 2003.

¹⁰ Решетников Л. П. Русский Лемнос: исторический очерк. 3-е изд., испр. и доп. М.: ФИВ, 2012.

¹¹ Франция и проблема возвращения врангелевцев в Советскую Россию в 1921 году: Документы из архивов военного и

Баньи¹⁷ и др.) опубликовали результаты исследований, тоже в той или иной мере затрагивающих тему русской эмиграции на Лемносе. Некоторые «лемносские» документы собраны в 1-м и 3-м томах серии «Русская военная эмиграция»¹⁸.

Отдельная история участия в Белом движении и эмигрантской судьбы казаков-терцев пока еще, к сожалению, не написана. Ее фрагменты рассыпаны по страницам журнала «Родной Терек»¹⁹, других казачьих журналов, некоторые детали можно найти в работах Ф. Киреева²⁰ и других авторов.

Настоящая публикация станет, надеемся, ценным дополнением к уже известным источникам. Во-первых, она описывает жизнь на Лемносе Терско-Астраханского полка, почти неизвестную по другим текстам. Во-вторых, в значительной мере это не воспоминания, а дневник, передающий события и впечатления «в реальном времени»²¹.

морского министерств Франции» / Публ. и коммент. С. С. Поповой // Россия и Франция, XVIII–XX века. М.: Наука, 1998. Вып. 2. С. 241–271.

¹² Карпов Н. Д. Крым – Галлиполи – Балканы. М.: Русский путь, 1998.

¹³ Austry S.A. Kozáci. Praha: Academia, 1999. В русском переводе: Аусткий С. А. Казаки. Особое сословие. СПб: Нева, 2002.

¹⁴ Белоконов И. А. Дипломатическая борьба П. Н. Врангеля за переброску Русской армии в Болгарию и Королевство СХС (1921–1922 гг.) // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 159–173.

¹⁵ Ратушняк О. В. Казаки в Чаталджинских лагерях и на Лемносе // Кубанский сборник. 2006. № 1 (22). С. 195–209.

¹⁶ Ряховская И. С. Эмиграция Русской армии генерала П. Н. Врангеля: 1920–1923 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009.

¹⁷ Баньи Б. Лемнос, казачий остров // Журнал русского мира. 2009. № 1. С. 187–230 (*Bagni Bruno. Lemnos, l'île aux Cosaques. Cahiers du monde russe.* 2009. № 1. Pp.187–230). Как и С. Попова, автор основывается на французских военных архивах, из чего следует довольно критическое отношение к казакам и генералитету Русской армии, в том числе к ген. Врангелю.

¹⁸ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х гг. Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Книга первая: Исход; книга вторая: На чужбине. М.: Гея, 1998. Т. 3: Возвращение. М.: Триада-ф, 2002.

¹⁹ Издавался с 1970 г. в Нью-Йорке правлением Союза Терских казаков, периодичностью примерно 1 номер в год.

²⁰ См., например: Киреев Ф. С. Герои и подвиги: уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ: Ир, 2010; Киреев Ф. С. Осетинский феномен в истории Терского казачьего войска // Дарьял. 2003. № 5 (59). С. 271–283.

²¹ В отличие от писем К. Остапенко, первое из которых можно датировать январем – февралем 1921 г., его дневник был начат только в конце апреля, и его начало было воспоминаниями о недавних событиях. Возможно, общая скудность жизни на Лемносе до этого не позволяла ему найти не только силы и время, но даже и бумагу и карандаш.

Оригиналы дневника и писем

Главным источником были оригиналы дневника и писем К. Остапенко, хранящиеся у Александра Алексеевича Коновалова (Бельгия). После кончины К. Остапенко на Лемносе эти бумаги и несколько личных вещей были переданы сослуживцами одному из его братьев, Николаю, жившему тогда в Болгарии, а с конца 1920-х – в Греции. Неизвестно, когда (возможно, после Второй мировой войны) он передал их другому брату, Владимиру, жившему в Бельгии. В свою очередь, В. Остапенко был другом Алексея Васильевича Коновалова (1908–1962) и Каролины ван Ставерен (1917–2005) и «дядей» (он был женат на тете К. ван Ставерен, Евлалии Бобгарт) их детей: Сергея (1941–2003)²², Александра (род. в 1944) и Надежды (1945–2011). После кончины сестры среди ее бумаг Александр Коновалов и нашел эти дневник и письма. Неизвестно, достались ли они ей напрямую от В. Остапенко (возможно, после его кончины в 1971 г.) или же в 2003 г. из архива старшего брата, Сергея.

Оригинал дневника написан на двух тонких линованных школьных тетрадях без обложек, с листами размером 15×19 см. Записи большей частью сделаны простым черным карандашом (и в этом случае иногда сильно затерты, почти до полной неразборчивости), а на нескольких страницах – синим химическим карандашом (в большей части этого отрывка строки сильно выцвели и иногда расплылись, видимо от влаги). Страницы не пронумерованы.

Письма тоже были написаны иногда простым карандашом, а иногда синим химическим, на бланках Американского Красного Креста или на простой бумаге. Письма В. Треугафта, сообщающие о кончине К. Остапенко, написаны на простой бумаге или тетрадных листах в клеточку, синим карандашом.

В отличие от почерка В. Треугафта, почерк К. Остапенко очень неразборчив, особенно когда он был болен. Если бы не расшифровки, предпринятые его братьями, прочтение оригинала человеком, незнакомым с особенностями этого почерка, было бы чрезвычайно трудным делом.

Эти расшифровки помогли восстановить и два отрывка дневника, утраченные в подлиннике. Это самое его начало (16/29 октября 1920 г.), а также описание событий второй половины апреля 1921 г. К сожалению, несколько страниц второго отрывка (рассказ о событиях 18–21 апреля 1921 г. ст. ст.) были утрачены, очевидно, еще до самой первой расшифровки 1926 г., и восстановить их уже невозможно. Положение этих отрывков в тексте указано особыми сносками.

²² Сергей (Коновалов), в 1993–2003 гг. архиепископ Евкарпийский, управляющий Западноевропейским экзархатом русских приходов Константинопольского Патриархата.

Расшифровка Н. Остапенко (1926 г.)

Примерно в 1923–1926 гг. Н. Остапенко сделал расшифровку дневника своего покойного брата и в мае 1926 г. послал ее в пражский Русский заграничный исторический архив (РЗИА)²³. В 1946 г. она, вместе с большинством материалов РЗИА, попала в «эмигрантский» фонд Государственного архива России, где и хранится²⁴. Написана она синими чернилами на линованной бумаге, почерк хорошо разборчив, страницы пронумерованы. Изредка присутствуют незначительные зачеркивания и исправления.

Несмотря на то, что в конце расшифровки сказано «С подлинного переписал Николай Михайлович Остапенко», при близком сравнении ее с подлинником сразу заметно, что Н. Остапенко внес в текст некоторые изменения. Кое-что упущено, причем явно намеренно, дабы не подвергнуть опасности или не оскорбить лиц, упомянутых в подлиннике. Так, в самом начале расшифровки отсутствуют фамилия и адрес человека, которому К. Остапенко оставил на хранение первую часть своего дневника. Вместо этого написано просто: «Дневник остался в гор. Геническе». Далее, уже при описании жизни на Лемносе, сокращены до первых букв фамилии двух офицеров, в апреле – мае 1921 г. совершивших поступки, по мнению К. Остапенко сомнительные с этической точки зрения.

Остальные разночтения можно объяснить литературной обработкой. Большинство из них не приносят в текст нового смысла. Например, вместо «в настоящий момент» Н. Остапенко пишет «сейчас», вместо «телеги» – «подводы» и т. п. Несмотря на это, чтобы дать читателю возможность максимально приблизиться к исходному тексту К. Остапенко, все эти изменения были убраны без оговорок, и текст следует подлиннику. Исключения составляют упомянутые выше утраченные фрагменты оригинала, в основном восстановленные по расшифровке Н. Остапенко. Только отдельные разночтения, например, при неразборчивости текста в оригинале, упомянуты в сносках.

²³ Переписку Н. Остапенко с дирекцией РЗИА (Prague, Slavonic Library, T-RZIA 6-1247) по вопросу приобретения этой расшифровки см. в конце раздела «Письма». Поскольку РЗИА был образован в начале 1923 г., то, скорее всего, Н. Остапенко начал расшифровку не раньше этого времени.

²⁴ *Остапенко К. М.* Отступление из г. Геническа. Эвакуация Крыма. Лемнос. Воспоминания // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 551. 41 л. На лицевом листе рукой Н. Остапенко написано: «Отступление из гор. Геническа. Эвакуация Крыма. Лемнос. Дневник Сотника Терско-Астраханского полка Константина Михайловича Остапенко».

Расшифровка В. Остапенко (1963 г.)

В начале 1960-х В. Остапенко попытался (наверное, зная о расшифровке 1926 г., но считая ее утраченной или, по крайней мере, ставшей надолго недоступной) сделать свою расшифровку дневника (а также большей части писем). Она хранится у А. Коновалова и тоже была использована при подготовке книги, но в меньшей степени, чем расшифровка Н. Остапенко. Причина в том, что у В. Остапенко гораздо больше пропусков, неправильно понятых фамилий (например, «Цугулаев» вместо «Цугулиев») и тому подобных недостатков, обусловленных, видимо, тем, что к началу 1960-х страницы уже пожелтели, текст выцвел, а сам В. Остапенко был уже в довольно почтенном возрасте.

Вместе с тем заметно, что в успешно расшифрованных местах он допускал меньше отклонений от подлинника в сравнении с довольно заметной литературной обработкой в варианте Н. Остапенко. Поэтому есть подозрение, что расшифровка В. Остапенко находится ближе к исходному тексту и для тех фрагментов оригинала, которые были позже утеряны. Но, поскольку опять-таки почти все разночтения касаются только формы текста, а не смысла, для публикации этих фрагментов был принят вариант Н. Остапенко как наиболее полный. Исключения составляют упомянутые выше детали, которые намеренно упущены или сокращены у Н. Остапенко, но даны полностью у В. Остапенко.

Для иллюстрации разночтений можно привести такие примеры: в начале второго параграфа у В. Остапенко стоит «как сейчас помнится», а у Н. Остапенко – «как сейчас помню»; в конце этого же параграфа – «жутко было ложиться спать в эту ночь» и «жутко было ложиться мне в эту ночь».

Расшифровка В. Остапенко озаглавлена как «Лемносский дневник моего брата Константина Михайловича Остапенко, офицера Добровольческой Армии в частях Терского Казачьего Войска, умершего на острове Лемнос 23-го августа 1921 года за два дня до отъезда его части в Болгарию и похороненного там же на острове Лемнос» и подписана: «Владимир Остапенко, 1963 год, гор. Лувен в Бельгии». Из этого заглавия и было взято название книги.

Расшифровка писем, сделанная В. Остапенко, была нами сверена с подлинниками и в случае ясных разногласий исправлена.

Особенности обработки текста

Оригинальный текст дневника представлял, помимо неразборчивого почерка и физических повреждений, и другие трудности для набора. Во-первых, в нем полностью отсутствует разбивка на абзацы, что повторено и в расшифровке Н. Остапенко, и почти всегда в расшифровке В. Остапенко. Во-вторых, заметно пренебрежение к знакам препинания, в том числе точкам, и часто слабое выделение заглавных букв, из-за чего иногда трудно уловить конец одного предложения и начало нового. Ввиду этого и Н. Остапенко, и В. Остапенко разбивали текст по своему усмотрению по-разному. Хотя мы в целом старались в этом придерживаться их вариантов расшифровки, разбивка текста была сделана новой, также и пунктуация частично была приведена к современной.

Старая орфография не сохранена, но оставлено свойственное тому времени употребление заглавных букв (например, «Терцы»), которому, впрочем, К. Остапенко следует не всегда. Для лучшей смысловой связи иногда сделаны небольшие вставки в квадратных скобках. В таких же скобках раскрыто большинство сокращений, кроме общеупотребительных от слов «полковник», «генерал» и некоторых других. Пропуски и неразборчивые места отмечены и прокомментированы в угловых скобках.

В подлиннике кавычки используются редко и без системы (например, название парохода на одной странице может стоять в кавычках, а на другой – без), что исправлено без оговорок.

Почти все даты в подлиннике дневника приведены по юлианскому календарю. В письмах же даты часто даны одновременно и по новому, и по старому стилю. Эти особенности сохранены при наборе.

Биографический материал

Ввиду множества упомянутых имен и фамилий все биографические справки вынесены в отдельный раздел в конце книги. Большинство их составлено по книгам С. Волкова, преимущественно по его «казачьему» справочнику²⁵. Курсивом отмечено, в каких местах дневника и в каких письмах упомянут тот или иной персонаж. Поскольку целью было дать общие сведения об их судьбе, то подробности (например, точные даты) и ссылки на источники упущены для краткости. Исключение составляют биографии самих братьев Остапенко, для которых мы постарались собрать все доступные сведения. К сожалению, ни Н. Остапенко, ни В. Остапенко, расшифровав дневник своего брата, не оставили даже краткой его биографии. Не оставили они и собственных биографий (и были бездетны, так что уточнить их уже не у кого). Поэтому жизненный путь всех трех братьев известен очень приблизительно, с большими «белыми пятнами». Например, неизвестна даже дата рождения К. Остапенко²⁶.

По объективным причинам не удалось просмотреть архивы штаба Терско-Астраханского полка 1921–1925 гг.²⁷ и штаба Офицерской артиллерийской школы 1918–1932 гг.²⁸ Возможно, в них содержатся дополнительные биографические сведения о К. и В. Остапенко.

²⁵ Волков С. В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013.

²⁶ Так как в дневнике и письмах конца октября 1920 г. – конца июля 1921 г. он ни разу не вспоминает о своем дне рождения, а в табличке на его могиле, установленной в конце августа, указано, что ему все еще «26 лет от роду» (а родился он в 1895 г.), то можно предположить, что родился он в сентябре или первой половине октября 1895 г.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-6906. 1 оп. 17 ед. хр.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5950. 1 оп. 33 ед. хр.

Иллюстрации

К сожалению, не удалось найти ни одной фотографии автора дневника. В одном из писем В. Треугафта сказано, что была сделана посмертная фотография К. Остапенко, но, видимо, и она не сохранилась. Поэтому в книге читатель увидит лишь несколько изображений двух его братьев, Николая и Владимира.

Включено также несколько фотографий из архива Чарльза Клафлина, в 1920–1923 гг. директора Юго-Западной базы Американского Красного Креста (Константинополь). Они были сняты, скорее всего, его подчиненным, лейтенантом Макнобом (в одном из лемносских воспоминаний сказано, что его часто видели с фотоаппаратом). Ныне эти фотографии, вместе с отчетом о работе Макноба на Лемносе (включенном в книгу в виде приложения), хранятся в библиотеке Школы права Гарвардского университета и доступны на ее сайте. Надеюсь, они помогут читателю немного «погрузиться» в тогдашнюю жизнь на острове, ощутить ее такой, какой ее мог видеть К. Остапенко.

Благодарности

Прежде всего, считаю своим долгом выразить глубокую благодарность хранителю дневника и писем, Александру Алексеичу Коновалову (Бельгия), не только предоставившему подлинники этих текстов и семейные фотографии, но и написавшему небольшие воспоминания о В. М. Остапенко. Большую помощь также оказали: Олег Игоревич Бэйда (Москва), Сергей Владимирович Волков (Москва), Ирина Леонидовна Жалнина-Василькиоти (Афины), Дина Александровна Варакина (Генический краеведческий музей), Галина Анатольевна Кулясова (Феодосийский краеведческий музей), сотрудники Гос. архива России (особенно Евгения Васильева) и пражской Славянской библиотеки (особенно Ева Соколова).

Отдельная благодарность – Бруно Баньи, любезно разрешившему включить в состав книги, в виде введения, перевод своей статьи «Лемнос, казачий остров».

В заключение позволю себе, с некоторым дерзновением, повторить слова атамана Богаевского из его предисловия к уже упомянутой книге «Казачи в Чаталдже и на Лемносе»: «Долговечны не монументы из камня, бронзы и других материалов, а те, которые созданы словом и воспоминаниями. И в этом отношении память о Лемносе и Кабакдже²⁹ навсегда останется среди казачества, как Галлиполи – в Русской Армии, а книга эта – духовным памятником невзгод, пережитых казаками в изгнании»...

Виталий Койсин, июль 2014 г.

²⁹ Кабакджа – лагерь в Чаталджинском районе провинции Стамбул, близ Константинополя. Из-за тяжелых условий жизни был одним из символов страданий казачества в первые месяцы эмиграции.

Слово хранителя дневника

Дядюшка Владимир Михайлович Остапенко, сумевший, невзирая на скверное здоровье и вытекающее отсюда влечение к постоянному лежанию на «досадной укушетке», хотя бы частично расшифровать и переписать то, что мы сейчас называем «Лемносским дневником» его брата Константина, был мужем тетки моей мамы (бельгийско-голландская ветвь нашей семьи). Родным дядей он не был, но, несмотря на это, все мы, дети, – и старший брат Сергей, будущий архиепископ Евкарпийский Сергей, и сестрица Надя, и я сам, – звали его просто «дядей», тогда как все друзья и знакомые отца были для нас «дядей Фёдей Любимовым» или «дядей Колей Колесниковым» (равно как и его тезка Березовский), или «дядей Митей Горбатовым» и т. п. А Владимир Михайлович оставался просто «дядей» – единственным и, значит, исключительным.

Родился он 23 января 1901 г. н. ст. в Алешках, что напротив Херсона, где его отец был акцизным чиновником. Отца затем направили на службу во Владикавказ, где дядя с братьями провели вплоть до Гражданской войны свои отроческие годы. Дядюшка считал себя «кавказским человеком», любил рассказывать про гимназические походы в горы, о горцах и аулах. Недаром его любимым писателем оставался Лермонтов – свой, кавказский...

Об участии своем в «гражданке», эвакуации и болгарской «каторге» он нам рассказывал весьма скупно, видимо, не желая смущать ребятишек излишними жестокими деталями. После болгарского «сидения» он попал в Бельгию, где некоторое время трудился на шахтах в Лимбурге (Звартберг), а затем в 1928 г. сумел поступить в Лёвенский католический университет. Окончив высшее образование со званием инженера в 1936 г. (с грехом пополам, поскольку его французский был невообразимо смешон), он первое время работал в Брабантской электрокомпании и разъезжал на своем «валисипеде» по окрестностям нашего Лёвена, проверяя трансформаторные будки. Затем определился в университет, на факультет химических наук, где и прослужил до ухода на пенсию заведующим лабораторией у профессора Сметса.

В душе он остался русским до самого конца, что явствует, между прочим, из того факта, что он не пожелал подавать заявку на бельгийское гражданство, и таким образом до конца жизни остался апатридом, человеком без гражданства. Его русскость, связанная с невероятным человеколюбием и добротой, подтверждается и тем, что в первые послевоенные годы у дяди и тетушки Евлалии Эдуардовны трудилась домработницей некая Дуся, из «остарбайтеров». А после кончины нашего отца дядя (будучи уже вдовцом) всецело посвятил себя нашей осиротевшей семье. Но и раньше наша жизнь, я имею в виду детей, тоже была как-то немислима без присутствия и участия дяди. Да и для «русского Лёвена» в целом, поскольку он долгое время был старостой лёвенского православного храма во имя святых Георгия и Татьяны.

Несмотря на прескверный музыкальный слух и полнейшее неумение петь, он ужасно любил оперу и неоднократно возил меня в Брюссель, в Театр де ля Монэ, где платил за лучшие места в партере! А ночные походы, особенно в полнолуние, по Арденнским лесам, без карт и без компаса, конечно – это просто наслаждение... Вот таким человеком и остается в моей памяти дядюшка Владимир Остапенко.

После его кончины 23 июня 1971 г. в старческом доме в брюссельском пригороде Везембеек-Оппем его немногочисленный архив попал в руки сестры Надюши (я служил тогда в Бельгийском посольстве в Москве), а после ее кончины достался мне. Многого в нем уже недостает. Между прочими реликвиями потерялись письмо матери (кажется, из Владикавказа в Болгарию) своим сыновьям в эмиграции. Как помню, оно было на французском языке и начиналось словами «Мои дорогие сыновья...». Уже не найти и сведений о фрау Барбаре Собесцианской, дряхлой старушке из Бремена, приезжавшей раз или два в гости в Лёвен, сразу после войны.

Все ее звали «бабушкой», но была ли она бабушкой братьев Остапенко или тетей, или кем-то еще – неясно...

Осталась лишь одна открытка, с видом озера Туманлы-Кель, посланная дяде Володе на его адрес в Лёвене (rue de Malines, 161). К сожалению, обратного адреса на ней нет. Даты нет тоже, но из содержания понятно, что получена она была в годы его обучения в Лёвене: «Дорогой мой Водя. Я жду обещанных так давно снимков твоего университета, нового здания и твоей [фото]карточки. Как тебе не стыдно не исполнять твоих обещаний, да еще родной матери. Исправься и наконец исполни мое желание, а кроме того, пиши. Ты меня совсем не балуешь частыми письмами. Держишь ли ты экзамены? Пиши, прошу тебя, а пока целую тебя крепко. Мама».

Моему другу Виталию Койсину удалось привести в порядок дневник и сохранившиеся письма из моего скромного архива, за что приношу ему искреннюю благодарность.

*А. А. Коновалов,
3 июля 2014 г.*

Бруно Баньи Лемнос, казачий остров³⁰

Лемнос? – Редко говорят об этом одиноком островке на севере Эгейского моря, на полпути между островами Лесбос и Фасос, в ста километрах от Фракийского побережья. Его административный центр, Мудрос, – не более чем крупное село с 1700 жителями. В отличие от других греческих островов, живущих за счет туризма, Лемнос не особенно процветает. Он был союзной военно-морской базой во время катастрофической Дарданелльской кампании 1915 г. Именно на Лемносе в октябре 1918 г. было заключено перемирие между Антантой и Турцией. Но, похоже, все забыли о том, что в 1920–1921 гг. Лемнос был убежищем для многих тысяч казаков, покинувших Россию под конец Гражданской войны, после победоносного наступления Красной армии на Юге страны. Почему они попали именно на Лемнос? Как им удалось выжить на этом бедном и безводном острове? При каких обстоятельствах они его покинули? История «транзита» казачьих войск армии ген. Врангеля через Лемнос до сих пор основывалась преимущественно на российских архивах и свидетельствах. Как правило, действия французских властей описываются тут скорее отрицательно. Но разборка французских архивов, в первую очередь военных, по-иному освещает этот эпизод казачьего рассеяния, описывая с надлежащей строгостью поведение русских, подтверждая серьезность разногласий или недоумений между русскими и французами.

Осень 1920 г. С апреля Белая армия ген. Врангеля в Крыму оказывает сопротивление красным. Но 10 ноября они прорывают фронт и рвутся к Севастополю. Остановить их наступление уже невозможно, и Врангель отдает приказ об эвакуации Крыма. Около 150 тысяч беженцев покидают Россию, в том числе и несколько десятков тысяч казаков. На врангелевских судах насчитывают кубанцев 19 500, донцов 26 500, несколько сот терцев и астраханцев и около 2000 калмыков³¹.

Эвакуация проходит под наблюдением французского флота. Из всех союзных держав лишь французское правительство признало правительство ген. Врангеля и оказывало ему материально-техническую помощь через близкую к России военно-морскую базу. По заключении перемирия войска Антанты оккупируют Константинополь и регулярно патрулируют по Черному морю. Таким образом, в ноябре 1920 г. российские беженцы попадают в столицу побежденную и оккупированную. Для французского правительства ясно, что Русская армия как таковая перестала существовать, и что ее солдат надо рассматривать как простых беженцев. Военное и военно-морское руководство Франции придерживается иного мнения: рассеять армию без надежды на работу значит превратить Константинополь в кошмар! Поэтому военные выступают за сохранение военной дисциплины под начальством русских офицеров, дабы избежать превращения армии в потенциальных наемников, в «большие компании»³². Военные выступают также за постепенное рассеяние беженцев по странам, согласным их принять. Скрепя сердце, правительство Франции соглашается со всеми доводами.

Будучи тонким тактиком, ген. Врангель воспользовался оставленной французским командованием лазейкой и всеми силами противился «распылению» армии. Пропаганда, психологический нажим, угроза – все средства хороши для сохранения стойкого ядра Белой

³⁰ Перевод А. А. Коновалова. Оригинальная публикация на фр. языке: Vagni Bruno, *Lemnos, l'île aux Cosaques*, Cahiers du monde russe, 2009/1, pp. 187–230.

³¹ Service historique de la Marine à Vincennes (SHMV, Венсенский военно-морской архив), 1BB4 17, письмо 125 вице-адмирала де Бона морскому министру от 12.12.1920.

³² Фр. «Grandes compagnies» – историческое название наемных дружин, разорвавших Францию во время Столетней войны. – Прим. В. Е. Койсина.

армии. Врангель мечтает о возобновлении борьбы с Советами, о захвате власти в случае, если власть большевиков пала бы сама собой.

Итак, пребывание казаков на Лемносе, а длилось оно целый год, характеризуется постоянным противоборством между Врангелем со штабом и французским руководством. Последнему хотелось бы поскорее избавиться от этих беженцев, чье обслуживание и снабжение оказываются не по карману для бюджета Франции.

Итак, ниже следует история этого противостояния, скрытой, но серьезной борьбы, исход которой определит дальнейшую судьбу многих тысяч людей.

Возникновение Лемносского лагеря

Головоломка: как быть с беженцами?

Всего за одну неделю в Константинополь на 130 судах прибыла невообразимая масса беженцев, 150 000 человек, в ужасных санитарных условиях. Французские власти в Константинополе не знают, что делать с ними. Позволить им сойти на берег просто немыслимо: город и так набит беженцами, в Турции бушует гражданская война, и под контролем Мустафы Кемаля – чуть ли не вся Анатолия.

Необходимо удалить как можно скорее всех русских из этого взрывоопасного региона. Военные корабли направляются в Бизерту, а насчет военных и гражданских лиц Франция обращается к Балканским странам. Но принять в это послевоенное время столько людей этим государствам просто не по силам. Румыния согласна предоставить убежище 2000 человек, Греция – 1700, Болгария – 3800, и только Сербия, верная своей русофильской политике, соглашается принять 22 300 человек. Включая Тунис, это составляет на 1 января 1921 г. не более 34 000. Но где поселить и как накормить еще 100 000 человек? В страхе перед призраком возрождения «Восточного вопроса»³³ англичане и французы стремятся удалить всех военных из Константинополя, но куда? Вот в чем затруднение...

Избирается о. Лемнос

14 ноября 1920 г., в день прибытия первой части беженцев в Босфор, английское правительство объявляет, что оно «отказывает им в любой поддержке и не примет их ни на Лемнос, ни на Крит, ни в Египет». На самом деле Ллойд Джордж не простил ген. Врангелю, что тот отказал ему в посредничестве в переговорах о заключении мира с Советами. Дабы всем было ясно, Foreign Office добавил, что «ответственность падает исключительно на французское правительство, так как оно, и только оно, признало правительство Врангеля». Генерал Нэраль де Бургон комментирует: «Ясно и сердечно... словно пощечина»³⁴. Дефранс, Верховный комиссар Франции в Константинополе, решает тогда устроить большой, барачного типа лагерь на полуострове Галлиполи. А пока решено не допустить высадки ни одного беженца, за исключением раненых, больных, женщин и детей³⁵.

Грубость лондонского правительства шокирует английских военных. Ведь долгое время они были главной поддержкой белых! Уже 15 ноября Верховный комиссар Великобритании де Робек сообщает своему французскому коллеге, что «настоящие инструкции недостойны британского правительства» и что «речь тут ни о нейтральности, ни о [...] политике, а исключительно о [...] человеколюбии». Он обещает французам всю возможную поддержку «без открытого нарушения директив» и добавляет, что генерал Харрингтон, командующий английскими войсками в Константинополе, «полностью придерживается такого же мнения» и «готов предоставить наличное снаряжение»³⁶.

³³ Условное название комплекса противоречий в борьбе великих держав конца XVII – начала XX в., связанных с распадом Османской империи. – Прим. В. Е. Койсина.

³⁴ Pierre-Émile Nayral de Bourgon, *10 ans de souvenirs 1914–1924*, Nîmes: imprimerie Chastanier frères et Almeras, 1932 (*Де Бургон Н.* 10 лет службы в 1914–1924 гг. Ним: типография братьев Шастанье и Альмерас, 1932).

³⁵ SHMV, 1BB7 159, срочная телеграмма 1556-1557-1558 Дефранса Министерству иностранных дел от 14.11.1920.

³⁶ Ibid., срочная телеграмма 1560–1561 Дефранса Министерству иностранных дел от 15.11.1920.

Суда с беженцами продолжают прибывать в Константинополь в ужасных санитарных условиях, наблюдаются случаи асфиксий из-за тесноты, грозят бунты³⁷. 17 ноября Дефранс сообщает англичанам, что ввиду настоящего кризиса он готов взять на себя ответственность за высадку беженцев на о. Лемнос, даже без разрешения Лондона. Очень скоро Foreign Office дает, наконец, свое согласие, но при условии, что Франция берет на себя «все расходы и всю ответственность»³⁸. Итак, все казаки (35–40 тысяч) направляются на Лемнос, а регулярные части будут расквартированы в Галлиполи. Гражданские же лица, как менее опасные, будут распределены по различным лагерям вблизи Константинополя.

Почему именно Лемнос? Будучи до 1914 г. частью Османской империи, но с греческим населением, остров стал частью Греции, но пока что под английской оккупацией. Во время Дарданелльской кампании Лемнос был тыловой базой. Во время Гражданской войны в России англичане устроили на нем беженский лагерь, около деревни Мудрос. В 1920 г. от этого лагеря осталось не более 1600 палаток плюс бараки, всего на 10 000 человек³⁹. Хотя Лемнос почти безводен, но при помощи водопроводной системы лагерь получал 50 000 литров воды в сутки из центральной части острова; недостающая вода получалась от опреснительной станции. В сумме для 10 000 человек это давало от 15 до 17 литров в сутки на человека. Кроме того, Российский Красный Крест располагал оборудованным госпиталем на 200 коек и двумя установками для дезинфекции⁴⁰.

Первые меры принимаются уже на следующий день по получении от англичан «зеленой улицы». На Лемнос отправляются только организованные соединения с офицерами, а также русский медицинский и интендантский персонал. Снабжение осуществляется французской армией, доставка – флотом. Французский комендант лагеря имеет в своем распоряжении четырех офицеров, представителя интендантства и роту сенегальских стрелков. Русский комендант полностью подчиняется французскому.

Флот предоставляет один корабль-стационер⁴¹ (авизо) для поддержания порядка, морских операций, снабжения и устройства лагерей⁴². Начальником лагеря назначается ген. Бруссо. Он владеет русским языком и знаком со славянским миром, так как во время Великой войны участвовал в эвакуации и последующем возрождении сербской армии. После признания Францией правительства ген. Врангеля он назначен главой французской военной миссии при Главнокомандующем, эвакуировался из Крыма одновременно с казаками и прибыл на Лемнос 21 ноября 1921 г.⁴³ Первой задачей была оценка возможностей в кратчайший срок разместить на Лемносе дополнительно 20 000 казаков⁴⁴. А со временем Франция рассчитывает поселить тут 60 000 человек!

³⁷ Ibid., срочная телеграмма 1582 Дефранса Министерству иностранных дел от 18.11.1920.

³⁸ Ibid., срочная телеграмма 1579 Дефранса Министерству иностранных дел от 17.11.1920.

³⁹ Service historique de la Marine à Toulon (SHMT, Тулонский военно-морской архив), 56 С 59–60, служебная записка 2399/3 Командующему французским оккупационным корпусом в Константинополе (Corps d'occupation français de Constantinople, СОС) от 18.11.1920.

⁴⁰ Ibid., 57 С 11, рапорт № 2 Миссии по размещению русских беженцев на Лемносе, 19.11.1920.

⁴¹ Корабль, находящийся на стоянке в иностранном порту, с целью охраны или наблюдения за порядком. – Прим. В. Е. Койсина.

⁴² Ibid., С 12–13, инструкции № 203 капитана Вандье стационару у Мудроса, 03.12.1920.

⁴³ Jean Bernachot, *Les armées françaises en Orient après l'armistice de 1918*, P.: Imprimerie nationale, 1972, p. 92 (Бернашо Ж. Французские вооруженные силы на Востоке после перемирия 1918 г. Париж: Государственная типография, 1972, С. 92).

⁴⁴ SHMT, 56 С 59–60, служебная записка 2399/3 Командующего СОС от 18.11.1920.

Лагеря в Чаталдже

Однако время не терпит: беженцы на судах на рейде Моды⁴⁵ подвергнуты серьезному риску эпидемии. Решено организовать другой казачий лагерь во Фракии, в Чаталдже, под начальством майора Тэссэра. Донцы направятся в Чаталджу, кубанцы – на Лемнос. Перевозка беженцев по железной дороге начинается 22 ноября⁴⁶, а 28 ноября лагерь уже насчитывает 28 000 казаков, мужчин, женщин и детей под начальством генерала Абрамова. Не высадилось пока 5000 человек.

Чаталджинский лагерь на самом деле состоит из трех отдельных лагерей. Тот, что в Кабадже, на 4000 человек, находится в 35 км на северо-западе от г. Хадем Кеви, а Чилингирский, на 8000 человек, в 7 км от того же города. Оба лагеря использовали заброшенные фермы, где когда-то разводили шелковичных червей. Лагерь в Санджак-Тепе, на 4000 человек, расположен в 2 км севернее. Это старая казарма. По словам атамана Богаевского, казаки живут в весьма опасных гигиенических условиях: скученность, плохое питание, отсутствие медикаментов⁴⁷. Пол Робинсон, описывая Чилингирский лагерь, говорит о «царстве тесноты и холеры»⁴⁸. Английский писатель Филип Лонгворт, без ссылок на источники, пишет об ужасных условиях жизни: «Крыши бараков кишат клопами [...], протекают, полы загажены. Коек нет, умываться негде. Кому не повезло найти местечко в бараке, тому приходится довольствоваться норой в мерзлой земле»⁴⁹. Трудно сказать, где автор преувеличивает. Но все же жизненные условия были не из лучших, а это были только «цветочки» в ожидании воссоединения всех казаков на Лемносе.

На Лемнос прибывают кубанцы

21 ноября на Лемнос прибывает пароход «Владимир». На нем 8500 кубанцев. «По мере приближения, – свидетельствует очевидец, – нам открывается вид на желтоватую, лишенную растительности землю. Лишь один ее вид действует удручающе. [...] Мы высаживаемся на полуострове, соединенным с островом узким перешейком. [...] Видно одно большое здание, опреснитель морской воды, а рядом несколько деревянных бараков. Чуть подальше большой деревянный сарай; стены замазаны дегтем. [...] Каждый из нас получает по куску хлеба и баночку паштета, первая пища за 4 дня! Затем нам выдали палатки на 10 человек и указали место, где разбить лагерь. Скоро возник целый палаточный городок, и остров приобрел менее отталкивающий вид. Стояла холодная погода, и мы дрожали в наших палатках, несмотря на то, что они были английского производства, т. е. непромокаемые и с отличной подкладкой. [...] Около полуночи нас разбудил ужасный шум: крики, треск отрываемых досок. Все выбежали, и при свете луны нам предстало удивительное зрелище: рушили сарай! Казаки, страдавшие от холода в своих палатках, решили использовать единственные дрова на острове [...] К утру сарая уже не стало, а был он размером 100×10×6! Казаки весьма хитроумны: несметное количество пустых бочек – то, что оставляют за собой современные армии, превратилось в самодельные печурки»⁵⁰.

⁴⁵ Мода – пригород Константинополя, на азиатском берегу Босфора. – Прим. В. Е. Койсина.

⁴⁶ Ibid., служебная записка 2427/3 Командующего СОС от 20.11.1920.

⁴⁷ Service historique de l'armée de terre (SHAT, Архив сухопутных войск), 20 N 1154, доклад 725/A полк. Руже Командующему СОС от 3.12.1920.

⁴⁸ Paul Robinson, *The White Army in Exile, 1920–1941*, Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 35 (Робинсон П. Белая армия в изгнании, 1920–1941. Оксфорд: Типография Оксфордского университета, 2002, С. 35).

⁴⁹ Philip Longworth, *Les Cosaques*, P.: Albin Michel, 1972 (Лонгворт Ф. Казаки. Париж: изд-во Албен Мишель, 1972).

⁵⁰ Nicolas Svidine, *Le secret de Nicolas Svidine*, P.: Laffont, 1973, p. 108–110 (Русское издание: Свидин Н. М. Тайна казачьего

В течение следующих двух дней прибывают «Лазарев» (1200 человек) и «Дон» (6000 человек). Высаживают лишь 2000 человек в день, так как пристать в Мудросской бухте могут только суда с самой малой осадкой, и приходится организовать очереди на барки. 29 ноября прибывает ген. Фостиков и принимает командование над Лемносскими казачьими частями. В конце месяца на Лемнос для инспекции прибывает ген. Бургон, командующий французским оккупационным корпусом в Константинополе. Несмотря на критические условия, он считает положение весьма удовлетворительным. Парадоксально, но генерал хвалит дух и поведение казаков, «несмотря на их пассивность и на неучастие в устройстве и организации лагерей». Об офицерах, напротив, он отзывался строго: «Необходимо изъять часть их из состава войск и отправить подальше»⁵¹.

Бруссо также считает, что офицеров слишком много: «Приходится сознаться, что русские ничему не научились или не желают учиться у школы поражения, и что они намерены сохранить кадры и их вознаграждение на том же сверхуровне, как и раньше»⁵². Отметим, кстати, что артиллерийский отряд насчитывал 95 офицеров!⁵³

Переброска на Лемнос донцов

Решено перебросить, начиная с 3 декабря, 5000 донцов, оставшихся на судах на рейде Моды, не в Чаталджи, а на Лемнос. Первые донцы прибывают в Мудрос⁵⁴, но их селят отдельно от кубанцев: 5000 человек в лагере у самого Мудроса, 5000 в деревне Романо чуть севернее, и главный лагерь, 10 000 человек, южнее города. Из-за карантина вследствие эпидемии холеры в лагере Чилингир⁵⁵ казаки, находящиеся в Чаталджи, также направляются на Лемнос. Начало переброски намечено на 1 января 1921 г. Но принять их к назначенному сроку негде! Вот как описывает командир французского стационара положение в самом конце 1920 г.: «Казачий отряд в лагере Восточный Мудрос, 480 человек, был направлен на подготовку мест для эвакуированных. Но, несмотря на то, что на «Мариетте» за 3 рейса было доставлено около 500 штук гофрированных листов, ничего сделано не было [...] На 29 декабря этими листами просто был забит мол [...], а на деле, если считать по 4 человека на один лист и задействовать 200 человек, считая, что каждой команде необходим был один день, чтобы покрыть расстояние в один километр, эти листы могли быть давно на месте [...] Ввиду того, что постоянных французских офицеров в Восточном Мудросе нет, нельзя ожидать от русских особой прыти, тем более, что их кадры удобно расположились в бараках бывшего портового управления»⁵⁶.

Начало переброски откладывается до января, но тут возникает другая проблема, а именно обструкция русских властей. Председателю Совета Министров Жоржу Лэгу надоели эти чрезмерные расходы на помощь беженцам, и он решает, что с 1 февраля французская финансовая поддержка прекращается. Снабжать беженцев будет какое-то довольно туманное русское благотворительное общество.

Воспользовавшись этой неясностью, но также возмущенный тем, что с ним не советовались, ген. Врангель буквально до последнего дня отказывается отдать приказ о переброске казаков⁵⁷. В конце концов приказ отдан, но казаки боятся, что их перевезут на пустынный

офицера. Краснодар, 2002).

⁵¹ SHMV, 1BV7 159, срочная телеграмма 1661–1662 Дефранса Министерству иностранных дел от 01.12.1920.

⁵² SHAT, 20 N 1154, доклад 127/S ген. Бруссо Командующему СОС от 30.11.1920.

⁵³ Упрек не вполне справедливый, поскольку Русская армия в целом (и артиллерийские части тем более) в изгнании была, в общем-то, кадрированной. – Прим. В. Е. Койсина.

⁵⁴ SHMT, 57 C 10, приказ 1584 капитана Вандье, Командующего Восточно-средиземноморской эскадрой от 03.12.1920.

⁵⁵ Ibid., 56 C 59–60, письмо 2848/3 ген. Шарпи Командующему Восточно-средиземноморской эскадрой от 22.12.1920.

⁵⁶ Ibid., 57 C 27, доклад лейтенанта Тавера, капитана авизо «Дюшафо» от 31.12.1920.

⁵⁷ Archives diplomatiques du Quai d'Orsay (ADQO, Дипломатический архив на набережной д'Орсе), фонд «Европа 1918-40»,

остров без всякого снабжения. Возбуждение растет, и возникает перестрелка между казаками Калединского полка и французскими солдатами. В итоге ранено два француза и трое русских⁵⁸. Несколько сот беженцев скрылись в сельской местности, чтобы перебраться в Грецию⁵⁹. Турецкие власти отмечают многократные вооруженные ограбления и даже два убийства⁶⁰.

Но постепенно волнения утихают, и 13 января отправляется первая партия беженцев, 3000 человек. Неожиданно все приостанавливается «из-за задержки в устройстве дополнительных объектов в Мудросе, а также [...] из-за недостаточного энтузиазма, проявляемого русским командованием»⁶¹. Две новые партии во главе с ген. Абрамовым, командующим Донским корпусом, и его штабом, общей сложностью 6000 человек, переправляются 23 и 24 марта 1921 г. Других уже не будет. Несколько сотен донцов останутся в Кабадже до 6 декабря 1921, т. е. уже после закрытия Лемносских лагерей.

дело «СССР 259», письмо 5051 ген. Врангеля ген. Шарпи от 10.01.1921.

⁵⁸ SHMV, 1 BV7 159, срочная телеграмма 70 Дефранса Министерству иностранных дел от 14.01.1921.

⁵⁹ Если верить Полю Робинсону, целых два эскадрона с офицерами.

⁶⁰ SHAT, 20 N 1154, письмо G26316 Министерства иностранных дел Высокой Порты Верховному комиссару Франции от 31.01.1921.

⁶¹ SHMT, 57 C 9, ежемесячный доклад Командующего Восточно-средиземноморской эскадрой Морскому министру, февраль 1921 г.

Повседневная жизнь на Лемносе

Отношения между казаками и французскими властями

Трудности во взаимоотношениях между французскими властями и русскими, характерные для всей истории «лемносского транзита», вытекают в первую очередь из разногласий о судьбе Русской армии. А вопрос этот возник еще до прибытия первых ее частей в Константинополь. 30 ноября Совет Министров Франции принимает решение предоставить всем эвакуированным русским статус гражданских беженцев и ограничиться чисто гуманитарной помощью. Жорж Лэг объясняет это решение так: «Сохранение армии, не сумевшей воевать в Крыму, где у нее были базы снабжения, бесполезно с точки зрения чисто военной; рассчитывать на русские войска для борьбы с Советами, как и было доказано на опыте, не имеет смысла. Наоборот, сохранение армии было бы чревато самыми тяжелыми последствиями: трудности международного масштаба, опасность для регионов, где положение и без этого шатко и, наконец, расходы по содержанию и денежному довольствию не по силам бюджету Франции»⁶².

Генерал Врангель не согласен: «Применение к войскам режима индивидуальных гражданских беженцев жестоко подточило бы их дух и повлекло бы за собой безвозвратное их разложение и превращение в скопище из 70 000 человек, не поддающихся никакому разумному влиянию»⁶³.

Это мнение находит поддержку у французских военных властей в Константинополе. Разоружение неминуемо повлечет за собой праздность! Нэраль де Бургон «считает крайне опасным объявить сейчас о том, что они превращаются в гражданских беженцев, и находит необходимым обходиться с ними, как с солдатами»⁶⁴. А адмирал де Бон опасается возможного возникновения бандитизма или вступления русских в ряды кемалистов.

Правительству пришлось согласиться с постепенным расформированием в ожидании найти страны, готовые принять таких неудобных гостей. Несомненно, на это уйдет много времени. А пока надо сохранить дисциплину этой массы, причем французских военных на месте немного. Нейраль де Бургон заключает: «Врангелевская армия полностью организована и дисциплинирована, и, значит, выгодно сохранить ее [...], но только в подчинении французского командования»⁶⁵. Следовательно, французское правительство лишь за неимением выбора соглашается сохранить то, что Бруссо назвал «фикцией» армии. Ее оставляют под командованием Врангеля, влияние на армию которого, по словам адмирала де Бон, «является той силой, которую мы должны использовать во избежание авантюры»⁶⁶.

Эта неясность ляжет тяжелым бременем на взаимоотношения казаков и французских властей. Ведь Врангель, в отличие от того, что он заявляет французам, ничуть не намерен распылять свои войска, а наоборот, хочет сохранить их для возобновления борьбы с Советами. Скрытое вначале, это теперь провозглашается открыто, в особенности в феврале, когда генерал обращается к своим воинам на Лемносе. Секретные циркуляры комсоставу предписывают расстраивать все попытки, направленные против сохранения армии как таковой⁶⁷. С этого момента начинают быстро портиться его отношения не только с французской властью,

⁶² SHMV, 1BV3/5, телеграммы 2171 и 2175 Жоржа Лэга Верховному комиссару Франции в Константинополе от 09.12.1920.

⁶³ SHMT, 56 С 59–60, письмо ген. Врангеля ген. Бургону от 06.12.1920.

⁶⁴ Ibid., письмо 2674/3 Командующего СОС Верховному комиссару Франции в Константинополе от 08.12.1920.

⁶⁵ SHAT, 20 N 1155, доклад ген. Бургона от 19.11.1920.

⁶⁶ SHMV, 1BV4/17, письмо 125 MS вице-адмирала де Бона Морскому министру от 12.12.1920.

⁶⁷ SHAT, 20 N 1154, письмо 3523/3 ген. Шарпи ген. Пеле (Pellé) от 09.03.1921.

но и с лагерным начальством, им самим назначенным, в первую очередь с ген. Фостиковым на Лемносе.

У этого начальства довольно необычный статус: они одновременно в подчинении и у Врангеля, и у французов. Например, у Бруссо на Лемносе. Ему (Бруссо) предписывается исполнять свои обязанности «со всей предупредительностью и уважением к возрасту и чину своих коллег»⁶⁸. Такое двойное подчинение мыслимо лишь в рамках отличного взаимопонимания, но становится проблематичным при наличии различных целей, что и будет доказано в ближайшее время.

С января Бруссо начинает жаловаться, что «русские начальники охотно ссылаются на Врангеля, когда им это удобно, чтобы встать поперек пути ему самому», т. е. Бруссо. И коварно добавляет, что «им не стыдно нарушать предписания своего Главкома, когда эти предписания нарушают их собственную халатность и лень». Первое столкновение происходит, когда Бруссо отдает приказ об изъятии неиспользуемых револьверов и передаче их французским военным. Фостиков отвечает, что не может исполнить приказание французских властей, не имея на это предварительного разрешения ген. Врангеля⁶⁹. Генерал Шарпи сообщает об этом Врангелю, но тот одобряет это неподчинение приказу: «...я не смог бы санкционировать моим молчанием все приказы по армии, которые отдаются помимо меня. Таким образом, я предписываю всем начальникам [...] исполнять все желания французского лагерного начальства, но одновременно уведомляю их о том, что во всех принципиальных вопросах они обязаны руководствоваться исключительно моими директивами»⁷⁰.

Война объявлена!

С целью сгладить трудности в феврале Бруссо устраивает встречу с донским атаманом Науменко, ген. Фостиковым и ген. Артифексовым, представителем Врангеля. Неудивительно, что встреча окончилась провалом. В своем отчете Бруссо не скрывает горечи: «Ясно, что эти люди рассчитывают вечно жить за наш счет, как можно меньше подчиняясь французским обычаям и распоряжениям, ежедневно завоевывая все больше и больше свободы, работая как можно меньше – таков их идеал! Самым коварным образом они ведут борьбу со всеми моими попытками противодействовать их цели!»⁷¹

Наихудшими становятся отношения с молодым генералом Фостиковым. Бруссо постоянно описывает этого «вероломного издевателя» в самых нелестных выражениях: «...его тактика – вечно возвращаться к уже урегулированным вопросам, причем он без особого труда может опротестовать собственную подпись»⁷². И далее: «...он еле скрывает свои антифранцузские настроения [...] и пользуется любым случаем, чтобы доставить нам новые трудности»⁷³.

Фостиков нечестен. «Его личная честность, по крайней мере, сомнительна. Каким образом кубанский штаб, прибывший сюда без всяких средств, располагает сейчас финансами на праздники, театр и прочую чепуху? Несомненно, эти средства поступают за счет скрытой торговли вещами, краденными у феодосийских греков⁷⁴, а также французскими товарами...»⁷⁵.

Вдобавок он скверный начальник и «его постоянные несправедливости [...] и лицемерие сделали его непопулярным даже среди казачества»⁷⁶.

⁶⁸ Ibid., 20 N 1228, письмо 3016/3 ген. Шарпи ген. Врангелю от 09.01.1921.

⁶⁹ Ibid., письмо 159/S ген. Бруссо Командующему СОС, 10.01.1921.

⁷⁰ Ibid., письмо 5050 ген. Врангеля ген. Шарпи от 10.01.1921.

⁷¹ Ibid., письмо 172/S ген. Бруссо Командующему СОС от 05.02.1921.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid., письмо 177/S ген. Бруссо Командующему СОС от 15.02.1921.

⁷⁴ Генерал Фостиков и его казаки эвакуировались из Феодосии.

⁷⁵ SHAT, 20 N 1155, письмо 177/S ген. Бруссо Командующему СОС от 15.02.1921.

⁷⁶ Ibid.

Начиная с февраля, Бруссо неоднократно требует отставки Фостикова и замены другим офицером. После очередного инцидента, в апреле, наконец, решение принимается, а именно из-за того, что Фостиков своей властью освободил русского офицера, задержанного французскими жандармами. Находится предлог отправить Фостикова в Константинополь в сопровождении атамана Науменко, но возвращение на Лемнос французской властью ему уже не разрешается⁷⁷. А касаясь ген. Врангеля, то на все его просьбы о разрешении нового посещения Лемноса последует категорический отказ.

Вместо неконтролируемого Фостикова ген. Шарпи назначает начальником Лемносских лагерей более примирительно настроенного старого генерала Абрамова. Отношения с Бруссо постепенно умиряются, но лишь поверхностно. Более культурный, чем Фостиков, ген. Абрамов, тем не менее, придерживается его линии. Согласно французской контрразведке, в своих докладах Врангелю он называет действия Бруссо «провокационными», считает их «чистой русофобией», направленной «против русской армии». В любом случае «он не забывает выражать эти чувства». Он осуждает Бруссо за «аресты русских офицеров за малейшие грешки» и описывает его как невыносимого диктатора, прося его увольнения от должности⁷⁸. Конечно, французы не особенно страдают от таких чувств Абрамова; они даже довольны тем, что, «по крайней мере, внешне он остается весьма корректным»⁷⁹.

В июне, когда население лагерей начинает сокращаться и когда Бруссо заменяется майором Брюном, отношения снова натягиваются. Против враждебно настроенного Абрамова Брюн принимает крутые меры, как открыто выражается в одном докладе: «Благодаря эпидемии оспы возникла возможность загнать всех в лагерь. Из-за плохо устроенной охраны интендантства мы смогли поставить наш пост в самом центре русского лагеря. Под предлогом контроля греческих барок, занимающихся контрабандой, нам удалось организовать круглосуточное патрулирование в лагере, и он приобрел вид лагеря для военнопленных. Русский начальник лагеря правильно понял нашу цель, достигнутую, не считая нескольких протестов против грубого обращения наших стрелков [...] Все успокоилось, и отношения вновь стали корректными...».

Парадоксально, но Брюн оптимистично настроен насчет будущих отношений между казаками и французами: «... в конце концов, мне думается, что враждебными они не будут. Каждодневные трения забываются, среди офицеров немало франкофилов, среди казаков еще больше. А враждебно настроенные к Франции офицеры были всегда. Не думаю, что их пребывание в концлагере в итоге многое изменило»⁸⁰.

Население

Население Лемносского лагеря достигает пика между февралем и апрелем 1921 г., а затем постепенно сокращается, вплоть до закрытия лагеря в октябре того же года (табл. 1).

Таблица 1. Количество обитателей в лагерях Лемнос и Чаталджи

	1920 г.					1921 г.											
	24.11	26.11	28.11	20.12	1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	17.5	1.6	20.6	1.7	1.8	1.9	1.10	1.11
Лемнос	15000	17500	19200	17000	16220	21505	20993	20744	17211	17056	12629	7033	7033	4340	1764	140	0
Чаталджи	---	---	21000	20302	19387	11874	8544	2841	2497	1891	1890	1892	1793	1709	1705	1850	1829

⁷⁷ Ibid., письмо 3801/3 ген. Шарпи ген. Врангелю от 08.04.1921.

⁷⁸ Ibid., 20 N 1097, сводка 132 разведывательной службы в Константинополе от 14.04.1921.

⁷⁹ Ibid., 20 N 1155, доклад СОС в Париж от 17.05.1921.

⁸⁰ Ibid., 20 N 1159, доклад майора Брюна Командующему СОС, 09.09.1921.

Жилищные условия

В Кубанском лагере насчитывается 1700 палаток конусообразного типа вместимостью около 10 человек. Эти палатки весьма некомфортны: теснота, отсутствие отопления, не сгибаясь, можно стоять лишь в самой середине. Беженцы спят не рядами, а «ромашкой». Нередко в одной палатке живут до 14 человек, в том числе 3–4 офицера. Есть в лагере и большие палатки, 80 штук, вместимостью от 30 до 60 человек. Но они служат в первую очередь для непомерно разросшихся штабов и столовых для офицеров и их семейств.

Как правило, люди спят на земле, на подстилках из травы и тряпок, а с января 1921 г. – на соломе, которую предоставляют французы. В больших палатках есть электричество, малые должны довольствоваться свечками и коптилками. Дровами снабжают в ограниченном количестве, порубка казакам строгойше запрещена во избежание полного обезлесения острова.

Лагерь расположен в северо-западной части Мудроской бухты. Кухни, прачечные, уборные устроены вдоль морского берега. Здесь можно заметить и попытку украсить быт: выбеленный камень по краям проходов! Как отмечает командующий СОС (Константинопольский французский оккупационный корпус): «гармоничное устройство лагерей вдоль побережья [...] производит впечатление порядка»⁸¹. На этот раз согласен и Врангель: «Внешний вид лагеря производит отличное впечатление»⁸². Палаткам все же нелегко устоять против сильных ветров Эгейского моря.

Если кубанцам удалось расположиться на равнине, то донцам пришлось устраиваться на склонах холмов, порой крутых и изрезанных оврагами. Для устройства лагерей пришлось прибегнуть к земляным работам. Живут в бараках из гофрированного листа в виде полуцилиндров, закрытых с обоих концов мешками с песком, пустыми канистрами и ящиками из-под консервов. Есть и несколько палаток, больших и малых конусообразных. Бараки довольно вместительны: в центре высота 2 метра, ширина 4 метра. Летом в них царит невыносимая жара, а зимой – холод. Там и сям обитателям удалось установить самодельные печурки.

Чтобы металл не нагревался на солнце, гофрированные листы местами покрываются землей и травой. В отличие от кубанцев, большинство донцов располагают кроватями или раскладушками, но скученность та же. Для удобства передвижения казаки установили лестницы, замостили и даже украсили переходы. На Врангеля это произвело отличное впечатление: «Ясно, сколько сделано усилий и проявлено заботы для обустройства казаков»⁸³.

Питание

Снабжением заведует СОС, которому пришлось установить строгий дневной рацион на каждого беженца. В декабре 1920 г. он состоит из хлеба, муки, консервов, свежего мяса, жиров, сухих овощей, сахара, кофе и чая (табл. 2). С самого начала он значительно уступает в количестве дневному рациону французских солдат на Ближнем Востоке. Постепенно, по приказу правительства, рацион уменьшается, не только для сокращения расходов, но также и с целью побудить русских искать убежища в других местах.

Таблица 2. Дневной рацион в лагерях на Лемносе (в граммах)

⁸¹ SHMT, 56 С 59–60, доклад 2568/3 ген. Бургона Верховному комиссару Республики [в Константинополе] от 01.12.1920.

⁸² Ibid., доклад 61 ген. Врангеля от 21.02.1921.

⁸³ Ibid.

Дата	Хлеб	Мука	Консервы	Мясо свежее	Жиры	Овощи сухие	Сахар	Кофе	Чай
13.12.1920	500	150	250	300	20	100	20	20	7
10.01.1921	500	100	200	---	20	100	20	---	7
01.02.1921	500	---	200	---	20	100	20	---	7
14.02.1921	450	---	200	---	20	90	20	---	7
10.04.1921	350	---	200	---	20	80	20	---	7

Эти сокращения вызывают протесты Врангеля: «по словам медиков», такой рацион «недостаточен для дневного пропитания нормального человека, а его сокращение в итоге приведет к голоду»⁸⁴. Врангель шлет телеграммы в Лигу Наций, в Красный Крест, сообщая, что «истощение из-за нехватки питания повлекло за собой в Лемносских лагерях эпидемию туберкулеза, принимающую угрожающие размеры»⁸⁵. Конечно, это басни... но они попадают в печать. Жалобы на количество и качество продуктов – явление довольно частое. Свидин говорит даже о «хроническом недоедании». Его описание приготовления пищи не особенно аппетитно: «Вот что каждый из нас получал: ломоть хлеба на пятерых [...], банку корнед-бифа на четырех, ложку маргарина на человека, ложку сахара и немного чая. Всё, кроме сахара, высыпалось в большую кастрюлю, и вот этим так называемым супом мы и питались»⁸⁶.

Пищу готовили в полевых кухнях, но из-за нехватки дров она часто подавалась холодной. Неоднократно французское правительство грозило вовсе прекратить снабжение, но военные на месте постоянно подчеркивали невозможность проведения подобных мер. У ген. Шарпи, принявшего командование СОС после Нэраль де Бургона, аргументов достаточно: «Это будет голод [...], так как на местах, особенно Лемносе и Галлиполи, средств или просто нет, или явно недостаточно для пропитания подобной массы народа. Не стоит и говорить об эксцессах, которые будут совершать под давлением голода эти беженцы, чье моральное состояние не из лучших. [...] Это произведет самое плачевное впечатление не только на тех, кто пострадает, но и на всех, кто будет в курсе. [...] Вместо чувства благодарности возникнет непримиримая ненависть. [...] Считаю, что бросить русских беженцев на произвол судьбы будет поступком плачевным, бесчеловечным и неуместным»⁸⁷.

Скрепя сердце, правительство соглашается с этими аргументами. Мера не будет принята.

Обмундирование

Беженцы одеты плохо. Как правило, у них лишь один комплект обмундирования, да одна пара обуви. У многих нет ни свитера, ни одеяла. Один французский офицер обратил внимание на то, что многие казаки вообще босы⁸⁸. По требованию Врангеля отдается приказ о раздаче в Лемносских лагерях 5000 пар обуви из груза русских судов⁸⁹. Несмотря на это, во время посещения Врангелем лагерей 18 и 19 февраля 1921 г. церемониальным маршем смогла пройти лишь треть наличного состава. Остальные оказались без формы и босыми. Врангель обвиняет французов, что те буквально по каплям раздают привезенные из Крыма запасы, но вместе с тем не исключает утаивания обмундирования русскими лагерными службами⁹⁰. Французами было передано русским одеял 50 000, подштанников 86 000, обуви 118 000 пар, полотенец 183 000, т. е. гораздо больше наличного состава войск! А многим вообще ничего не досталось. Один

⁸⁴ SHAT, 20 N 1158, письмо 6120 ген. Врангеля ген. Шарпи от 21.04.1921.

⁸⁵ ADQO, фонд «Европа 1918-40», дело «СССР 265–266», письмо 281 ген. Пелле Аристиду Бриану от 27.07.1921.

⁸⁶ Svidine, *Le secret de Nicolas Svidine*, p. 110 (*Свидин Н.* Тайна казачьего офицера, с. 110).

⁸⁷ SHAT, 20 N 1154, письмо 3109/S ген. Шарпи Военному министру от 22.01.1921.

⁸⁸ SHMT, 56 C 30, доклад 2962/502 СЕ Командующему СОС от 23.12.1920.

⁸⁹ Ibid., 56 C 59–60, приказ 1558/4S ген. Шарпи от 24.01.1921.

⁹⁰ Ibid., 56 C 61–62, доклад 61 ген. Врангеля от 21.02.1921.

французский военный довольно деликатно замечает, что «наблюдается значительная растрата вещей в промежутки между передачей их русскому начальству и их раздачей в войсках»⁹¹.

Кооперация

У многих казаков оказалась наличность, не особенно большая, но все же позволившая по их просьбе устройство кооперативных лавок. Генерал Бруссо ничего не имеет против. На свои сбережения казаки смогут приобретать по сходной цене добавки к питанию и одежде. В лагерях появляется несколько таких кооперативов. Им разрешается торговать с прибылью до 6 %. В продаже имеются продукты, одежда, снаряжение, одеяла... Бруссо разрешил даже спиртные напитки, правда, «в ограниченном количестве». Но вот начинают ползти слухи о гораздо большей прибыли. Бруссо велит расследовать дело; изымаются кассовые книги, производятся обыски на складах и у греческих поставщиков. Генерал не верит глазам: это не кооперативы, а акционерные общества под контролем кубанских офицеров! Дивиденды достигают 370 % за месяц! Среди товара (цены, как правило, повышены на 20–30 %) находятся также французские вещи неизвестного происхождения. «Ограниченное количество» спиртного достигло за месяц 649 бутылок коньяка!⁹²

Следуют аресты, в том числе и двух офицеров, пытавшихся добраться со своей добычей до Константинополя. Кооперативы, конечно, распускаются и заменяются новыми, полностью во французских руках. Прибыль ограничена 6 % и полностью идет на финансирование культурных и религиозных мероприятий. Запрещена прибыльная продажа продуктов, представляемых французским интендантством. Выставляются цены. Запрещается продажа спиртного⁹³. Праздник закончен!

Здравоохранение и гигиена

Французы открыли несколько полевых госпиталей, на 300 и 400 коек в Западном и на 250 в Восточном Мудросе. Они управляются французским военным врачом, персонал русский. Врангель находит, что госпиталия оборудованы отлично: медикаменты в избытке, есть лаборатория для анализов, операционная, гинекологическое отделение с врачом-женщиной, зубоучебный кабинет... Госпиталия не пустуют, наоборот: на 5 декабря 1920 г. насчитывают 447 больных, на 12 декабря – уже 518, на 21 декабря – 780, на 26 декабря – 789 и на 2 января – 926 человек больных! Эти цифры можно смело увеличить на 25 % за счет больных в полковых лазаретах.

Санитарные условия, конечно, скверные. Дюжину случаев оспы и брюшного тифа удалось пресечь, но случаев воспаления легких наблюдается гораздо больше. Самым опустошительным заболеванием стал тиф: сразу по прибытии первых беженцев насчитывают 200 случаев возвратного и 6 сыпного тифа. К концу декабря количество тифозных больных почти удвоилось⁹⁴. Каждый день умирают 2–3 человека.

Главным виновником подобной эпидемии была, конечно, вошь. По словам Николая Свидина, лемноская вошь отличается исключительной выносливостью: «Так как мы жили в ужасной тесноте, прижавшись друг к другу не только из-за нехватки места, но и для согрева, мы очень скоро подверглись атакам целой армии вшей. Они терзали нас денно и ночью. О сне можно было лишь мечтать. Все без усталости чесались и царапались. Эти проклятые паразиты

⁹¹ Ibid., 56 С 66 bis-67, протокол еженедельного совещания СОС от 29.01.1921.

⁹² SHAT, 20 N 1155, письмо 187/S ген. Бруссо ген. Врангелю от 19.03.1921.

⁹³ Ibid., приказ 49 ген. Бруссо от 19.03.1921.

⁹⁴ Ibid., 20 N 1154, доклад майора медицинской службы Байе заведующему санитарной службой СОС от 04.12.1920.

боятся только огня. Я сделал все возможное, чтобы очистить свое белье от вшей. Сходил на берег, положил белье в воду, прижав тяжелым камнем, чтобы не унесли волны. Но после пяти дней пришлось удостовериться, что пребывание в холодной и соленой воде несколько не повлияло на сопротивляемость нашего страшного врага»⁹⁵.

В январе, наконец, было установлено дезинфекционное оборудование с пропускной способностью 1000 человек в сутки. Это печи, в которых одежда нагревается до 140 °С в течение 40 минут для уничтожения паразитов. В это время люди принимают горячий душ. Санитарные условия постепенно улучшаются, и уже в апреле французы считают их отличными.

Немалую помощь оказывает французам и Американский Красный Крест. Тот снабжает госпиталя бельем, тюфяками и койками. Беженцам также достаются одежда, сладости... Подобная щедрость в конце концов начинает нервировать французов, особенно после того, как американцы предложили устроить приют для женщин и детей, а также санаторий для туберкулезников. Не станет ли это способствовать возникновению у беженцев мысли о постоянном жительстве тут, тогда как военные не могут отделаться от навязчивой идеи рассеять их в кратчайший срок по странам, способным оказать им гостеприимство?»⁹⁶

Труд

Для ремонта палаток и обуви есть швейные и сапожные мастерские (18 сапожников, 8 портных). Множество разнообразных мастерских разбросано по лагерям. Из поломанных пашек, например, изготавливают столовые ножи! Самым полным набором располагают, естественно, инженерные части (кузницы, слесарни, плотнички...). Пекарня, оборудованная при поддержке СОС, мощностью в 8 печей, обеспечивает 18 000 суточных рационов хлеба. Грамотные могут участвовать в редактировании газеты «Курьер Донского лагеря». Она выставляется для чтения на столбах посреди лагеря. Есть, конечно, и наряды по приказу как французского, так и русского начальства. Но, мягко говоря, к ним относятся без особого воодушевления! Французы в своих докладах неоднократно жалуются на казачью леность и порою даже на неповиновение, но ген. Бруссо смотрит на это скорее снисходительно: «Не стоит забывать и те смягчающие обстоятельства, что казак уже сам по себе довольно ограничен и не всегда полностью осознает важность приказываемой ему работы, а офицерство личному составу вообще ничего не объясняет»⁹⁷.

Военные училища

Алексеевское расположилось в Кубанском лагере, Атаманское – в Донском. Занятия продолжают, и неизменно создаются новые офицерские кадры для несуществующей армии, у которой и родины нет! В Атаманском училище насчитывают 450 учащихся и 53 преподавателя-офицера! В этих училищах большая палатка или барак служат помещением для занятий, а ученики располагаются в маленьких палатках вокруг. В каждом училище есть свой храм. В Алексеевском он украшен иконами из разрушенного греческого монастыря; сосуды и другие богослужебные предметы самодельны. В Донском училище сумели устроить небольшой корт для гимнастических занятий.

⁹⁵ Svidine, *Le secret de Nicolas Svidine*, p. 110 (*Свидин Н.* Тайна казачьего офицера, с. 110).

⁹⁶ SHAT, 20 N 1154, письмо 193/S ген. Бруссо Командующему СОС от 05.04.1921.

⁹⁷ Ibid., 20 N 1155, письмо 157/S ген. Бруссо Командующему СОС от 08.01.1921.

Оружие

Беженцы прибыли в Константинополь при полном вооружении, так как оставить красным надо было как можно меньше, сохранив как можно больше для дальнейшей борьбы. Но французы смотрят на это, конечно, иначе: по прибытии солдаты разоружаются, и оружие сдается на хранение в Сан-Стефано, в арсенал.

Есть исключения. Офицерам оставляют холодное оружие, а командирам разрешается носить револьвер. Для охранной и полицейской службы оставлены винтовки, по 20 штук на тысячу человек. Наконец, казакам оставляют кинжалы, так как их изъятие считается на Кубани великим оскорблением.

Но очень скоро становится ясно, что много оружия было утаено, так как имели место вооруженные нападения на местное население! А ввиду того, что чаталджинские происшествия показывают возможность антифранцузского восстания, в январе 1921 г. ген. Бруссо приказывает Фостикову разоружить рядовых и младших офицеров, за исключением кинжалов и пашек. Винтовки, служащие для «охраны порядка, будут описаны, будут храниться в одном месте и строго охраняться для нужд смотров»⁹⁸.

Но из-за Фостикова эти меры проваливаются, так как месяц спустя русскому начальству придется сознаться, что на Лемносе находятся 500 винтовок (т. е. 100 лишних), 232 револьвера, 12 пулеметов и... 4 пушки!⁹⁹ Можно спокойно предположить, что эти данные сильно занижены. Одно время СОС намечает изъять все лишнее оружие силой, но из-за вероятности вооруженного столкновения пришлось от этой мысли отказаться.

Конвой генерала Бруссо

Когда Бруссо возглавлял французскую военную миссию в Крыму, Врангель назначил ему казачий конвой. Забыл ли об этом барон? Приказ как таковой никогда не отменялся, и весь конвой последовал за генералом во время эвакуации на борту «Вальдека Руссо» и дальше на Лемнос. Это была иррегулярная горская сотня¹⁰⁰ под командой есаула Слободинского. Все 8 ее офицеров были православными, а 19 унтер-офицеров и 70 рядовых были отчасти мусульманами (терские казаки), отчасти буддистами (калмыки). Бруссо позаботился об их скромном денежном довольствии. Надо сказать, что при наличии лишь небольшого числа французских солдат и все растущей неприязни русского офицерства подобный конвой оказывается далеко не лишним.

В своих записках Бруссо отзывается об этих преданных казаках с исключительной нежностью. Он описывает их как «замечательных солдат»; многие из них уже немолоды, не раз ранены, почти все – георгиевские кавалеры¹⁰¹. Неоднократно выражает он озабоченность их дальнейшей судьбой, подчеркивая ненужность их включения в Иностраннный легион, так как «они далеки от нашей культуры и им недостает индивидуальности», «больше похожи на военное семейство, нежели на воинскую часть», и рискуют превратиться «в развалины при потере связи между собой и с начальством»¹⁰². И добавляет: «преданность моей персоне этих горцев

⁹⁸ SHMT, 57 С 27, письмо 991 ген. Бруссо ген. Фостикову от 04.01.1921.

⁹⁹ SHAT, 20 N 1228, письмо 3288/3 ген. Шарпи ген. Врангелю от 08.02.1921.

¹⁰⁰ В оригинале автор поясняет в этой сноске для французского читателя, что «sotnia» состоит из 100 человек. На самом деле к началу XX века в казачьей сотне в мирное время было 120 человек, а в военное время – 135. – Прим. В. Е. Койсина.

¹⁰¹ SHAT, 20 N 1154, письмо 775 ген. Бруссо Командующему СОС от 11.12.1920.

¹⁰² Ibid., 20 N 1155, письмо 896 ген. Бруссо Командующему СОС от 24.12.1920.

такова, что возникла к ним почти враждебность со стороны самих русских. В случае моего отъезда положение их станет весьма трудным»¹⁰³.

При посещении острова ген. Нэйраль де Бургон устраивает смотр конвоя. Вот что мы читаем в его мемуарах 12 лет спустя: «Этот краткий смотр позволил мне убедиться в исключительной чистоте оружия, в замечательном внешнем виде, несмотря на поношенное, но исправное обмундирование; лица грязны, да и остальные части тела, лишённые всякого белья, наверное, тоже. Но подобный контраст лишь подчеркивает факт, что мы имеем дело с отличной войсковой частью, сохранившей верность своему воинскому долгу, несмотря на всеобщую нищету»¹⁰⁴.

Спустя два года Бруссо, теперь в должности начальника артиллерии в Алжире, будет продолжать попытки найти приют для есаула Слободинского, находящегося в Болгарии, «которого его соотечественники не перестают горько упрекать в том, что он якобы служил французскому делу»¹⁰⁵.

Дисциплина

Постараться сохранить дисциплину в подобной массе беженцев – дело, скорее, рискованное. Недисциплинированность, по словам Врангеля, проявляют главным образом кубанцы, и виноват в этом их офицерский состав: «Ясно, что в корпусе отсутствует порядок: приказы командующего не исполняются командирами подразделений, офицеры не следят за рядовым составом, а когда казак совершает серьёзное преступление, вместо того, чтобы доложить о нем по начальству и помочь ему наказать преступника, офицеры преступника просто покрывают»¹⁰⁶.

Русская разведывательная служба подтверждает это мнение. А Бруссо просто обвиняет самого корпусного командира, ген. Фостикова: «В его корпусе [...] отсутствует всякое подобие дисциплины, воровство и халатность процветают на глазах корпусного командира, а тот, безусловно, пользуется благами мелких хищений, которые делаются нам в ущерб»¹⁰⁷.

Донцы, по словам русской разведки, ведут себя лучше, но пьянство в их среде дело обычное.

Неуверенность в дальнейшей судьбе армии – вот одна из причин всей проблемы. В самом деле, если армии предстоит в ближайшее время расформирование, то к чему трудиться и заниматься тренировкой? Со временем, в связи с отбытиями с Лемноса отдельных частей, неповиновение все увеличивается, так как перемещаются как раз наиболее дисциплинированные части! В июне 1921 г. французская разведка вынуждена признать, что «казаки все более [...] проявляют неповиновение своему начальству». Один французский офицер после инспекционной поездки по лагерям сообщает о следующем заявлении весьма многочисленной группы казаков: «Мы не желаем больше подчиняться нашим начальникам, которые нами злоупотребляют и нас обманывают. Пусть Бруссо пришлет нам последнего из своих чернокожих, и мы пойдём за ним, но подчиняться ген. Абрамову – спасибо, нет». Большинство, как сообщает разведка, «мечтает лишь о демобилизации»¹⁰⁸.

¹⁰³ Ibid., письмо 1118 ген. Бруссо Командующему СОС от 17.01.1921.

¹⁰⁴ Nayral de Bourgon, *10 ans de souvenirs*, p. 171–172 (*Де Бургон Н.* 10 лет службы в 1914–1924 гг., с. 171–172).

¹⁰⁵ ADQO, фонд «Европа 1918–40», дело «СССР 268», рукопись письма ген. Бруссо Председателю Совета Министров от 09.02.1922.

¹⁰⁶ SHAT, 20 N 1138, приказ 62 ген. Врангеля от 24.02.1921.

¹⁰⁷ SHMT, 56 С 61–62, письмо 190/s ген. Бруссо Командующему СОС от 29.03.1921 (полный текст доклада Приведён в статье С. С. Поповой «Франция и проблема возвращения врангелевцев в Советскую Россию в 1921 году...», с. 258–259. – Прим. В. Е. Койсина).

¹⁰⁸ SHAT, 20 n 1158, доклад 222/S капитана Пере от 07.06.1921.

Действительно, работает русская демобилизационная комиссия с целью очистить армию от нежелательных элементов. Врангель просит, чтобы демобилизованных отправляли с Лемноса в гражданские лагеря под Константинополем, но французы отказывают. Во избежание инцидентов демобилизованных селят отдельно, но продолжают снабжать питанием и одеждой наравне с военными – для того, чтобы не ставить в привилегированное положение сохранивших верность ген. Врангелю.

Преступность

Кража на лагерных складах – явление частое. Бруссо трезво описывает нравственность войск: «Ограбления, кража и ложь – постоянные явления на любом уровне»¹⁰⁹. Не располагая достаточными силами, ему, скрепя сердце, приходится доверить охрану складов тем русским частям, которые внушают максимум доверия, а именно юнкерскому училищу. Следует выписка из французской докладной записки: «Это отборное войско, по праву гордящееся подобным назначением, решило – руководствуясь российским методом, – что ценность подобной караульной службы оправдывается лишь в том случае, если из нее можно извлечь выгоду для себя. Итак, проломив изгороди [...], юнкера прикарманивают содержание интендантских складов и переносят добычу в свои палатки, даже не пытаясь провести операцию скрытно – до такой степени все им кажется естественным и нормальным»¹¹⁰.

Русская разведка докладывает, что и само интендантство не остается в долгу: «Растраты приобретают угрожающие размеры, но в ответ на жалобы русское интендантство, не стесняясь, сваливает всю вину на французское [...]. Расходы русских офицеров, занятых в интендантских службах, как правило, сильно превышают их доходы»¹¹¹.

Вот один пример из многих: арестованы два офицера, завывсившие свой наличный состав с целью продажи возникающих таким путем излишков продуктов питания¹¹². Многие офицеры просят отпуска для кутежа в Константинополе, но, сознавая, что эти деньги были собраны «трудно объяснимыми путями», в апреле 1921 г. Бруссо вынужден им в подобных поездках отказывать¹¹³.

Вне лагерей злодеяний еще больше. Наблюдается много «пищевых» краж – это мука, скот, алкоголь, табак и т. д. Иногда это превращается в чистый вандализм и организованный грабеж. Так, во время похода 1-го Кубанского полка, близ деревни Крумос намечается ночевка. В результате происходит ограбление лавки, битье стекол, попытка насильно ворваться в один из домов¹¹⁴.

Кража барок – тоже частое явление; виноваты дезертиры, стремящиеся покинуть остров. Некоторые достигают острова Имброс, но там их задерживают. Хуже, конечно, когда дезертиры превращаются в убийц. Так, в январе 1921 г. погиб один островитянин к северу от г. Кастро, другой был ранен¹¹⁵. В феврале подобное происходит с двумя паромщиками¹¹⁶. Но, по словам ген. Нэйраль де Бургона, «подобные инциденты возможны и в самых лучших войсках, и 20 000 человек наших колониальных войск в подобном случае совершили бы злодейств гораздо больше»¹¹⁷.

¹⁰⁹ Ibid., 20 N 1154, письмо 131/s ген. Бруссо Командующему СОС от 05.12.1920.

¹¹⁰ SHMT, 56 C 59–60, командировочный отчет неизвестного автора от 31.12.1920.

¹¹¹ SHAT, 20 N 1155, отчет 12 русской разведывательной службы на Лемносе от 06.03.1921.

¹¹² SHMT, 56 C 66bis-67, протокол еженедельного совещания СОС от 26.03.1921.

¹¹³ SHAT, 20 N 1158, письмо 1582 ген. Бруссо Командующему СОС от 03.04.1921.

¹¹⁴ Ibid., 20 N 1138, приказ 62 ген. Врангеля от 24.02.1921.

¹¹⁵ Ibid., 20 N 1155, телеграмма 1480 ген. Бруссо Командующему СОС от 04.01.1921.

¹¹⁶ Ibid., 20 N 1155, письмо 1329 ген. Бруссо Командующему СОС от 15.02.1921.

¹¹⁷ SHMT, 56 C 59–60, доклад 2568/3 Верховному комиссару Франции в Константинополе от 01.12.1920.

Отношения между казаками и местным населением

Сразу по прибытии на остров казакам дано знать, что им запрещается доступ в греческие селения. В письме к русскому начальнику лагеря ген. Бруссо объясняет причины такой непопулярной меры: во-первых, заразные болезни, свирепствующие в лагере («нельзя допустить распространения зараз на мирное население, чьим незванным гостем мы являемся»), во-вторых, подчеркивается отсутствие денежных средств у казаков и невозможность покупать («кое-какие бессовестные элементы вообще не платят за товар, другие за бесценок избавляются от ценностей, которые следовало бы сохранить на будущее») и, наконец, говорится о возможных инфляционных промахах: «...средства существования на острове вообще скудны, а если русским – тем, кто располагает финансами, – дать свободу покупать в деревнях, то в кратчайший срок цены поднимутся в такой степени, что это отрицательно отразится на положении некоммерческого населения, да и невыгодно обернется для самих русских покупателей»¹¹⁸.

С улучшением санитарных условий указанные ограничения несколько смягчаются, и отношения между казаками и населением острова становятся главным образом «деловыми», к великому ужасу ген. Бруссо. Ведь он замечает, что подпольная торговля ведется в первую очередь продуктами из французских интендантских складов: «когда кубанцы прибыли сюда, денег у них не было вовсе, а сейчас они просто не знают, на что их тратить, и суточный оборот их кооперативов достигает 1000 драхм! Откуда эти деньги, если не от подпольной торговли?»¹¹⁹.

Например, при соучастии начальников русских караулов у входов в лагерь интендант 2-го Кубанского дивизиона отправляется в соседние села продавать чай и муку¹²⁰. Пользуясь выражением Бруссо, эти сторожевые посты напоминают сита. «Доказано, что большинство недозволенных отлучек происходят благодаря безалаберности, если не больше, караулов. Каждый раз, проходя мимо, я вижу, что посты не выполняют приказов, пропуская любого, кто покажет им любую бумажку, или даже вовсе без таковой»¹²¹.

Подобное торгашество разрастается перед отъездами в Сербию или Болгарию: будучи готовы к отправке, казаки продают грекам все больше и больше мануфактуры, продуктов и медикаментов – все, что можно выкрасть из русского интендантства. Французам приходится выгонять из лагеря не одного грека, пришедшего для подпольной торговли. При облаве французской военной полицией в г. Кастро на месте преступления арестовано два спекулянта¹²². В облавах участвует, по просьбе французов, также и местная греческая полиция. В марте 1921 г. в деревне Кондия задержаны три русских офицера при попытке продажи военного имущества¹²³.

Месяц после прибытия на Лемнос казакам разрешается батрачить в сельском хозяйстве. Во избежание чрезмерной эксплуатации Бруссо устанавливает строгие правила: русским предоставят приют, обеспечат питанием и зарплатой не менее двух драхм в день¹²⁴. Несмотря на это, многие дезертиры работали у греков на гораздо худших условиях. За один лишь декабрьский день русскими патрулями задерживаются по соседним деревушкам 24 дезертира, на другой день 17, в том числе и несколько офицеров. Последних немедленно разоружают, так как дезертирами было сделано уже несколько вооруженных ограблений, а револьверы стали довольно ходким товаром для греков.

¹¹⁸ SHAT, 20 N 1154, письмо 681 ген. Бруссо ген. Фостикову от 30.11.1920.

¹¹⁹ Ibid., 20 N 1155, письмо 172/S ген. Бруссо Командующему СОС от 05.02.1921.

¹²⁰ Ibid., доклад капитана Пере от 23.03.1921.

¹²¹ Ibid., письмо 1329 ген. Бруссо Командующему СОС от 15.02.1921.

¹²² Ibid., 20 N 1154, письмо 1502 ген. Бруссо Командующему СОС от 01.03.1921.

¹²³ SHMT, 57 С 27, приказ 52 ген. Бруссо от 28.03.1921.

¹²⁴ SHAT, 20 N 1155, письмо 861 ген. Бруссо субпрефекту Лемноса от 20.12.1920.

Обмены имеют все же и иной, а именно культурный характер. Если верить турецкому писателю русского происхождения по имени Як Делеон, то «за короткое время казаки сумели ознакомить население острова со своей культурой. Русские песни распевались по всем трактирам, а «казачок» отплясывали прямо на берегу моря. Казаки [...] составляли церковные хоры [...] и, благодаря разнообразной своей деятельности, сумели внести свою лепту в многочисленные обмены, имевшие место в общественной жизни региона»¹²⁵.

¹²⁵ Jak Deleon, *The White Russians in Istanbul, Cagaloglu*, Istanbul: Remzi Kitabevi Publications, 1995 (Делеон Я. Белогвардейцы в Стамбуле. Стамбул: Изд-во «Книжный дом Ремзи», 1995).

Эвакуации и закрытие лагерей

Первые этапы

Лемносские лагеря лишь слабо затрагиваются первыми отъездами беженцев в другие страны. Так, 12 декабря 1920 г. пароход «Австрия», по пути в Сербию с 5000 беженцами на борту, заходит в Мудрос и забирает членов Кубанского правительства, т. е. 323 человека, включая их семьи. Французские власти не скрывают удовлетворения, избавившись так от этих «довольно стеснительных господ»¹²⁶.

Неделю спустя, 20 декабря, «Херсон» забирает 566 человек, также в Сербию. Но вдруг все останавливается: ни одно государство не желает больше принимать у себя беженцев из армии ген. Врангеля, и казакам островам Лемнос начинает казаться безвыходным тупиком.

Возвращения в Россию

Казачья армия начинает тосковать по родине. В начале января у ген. Шарпи складывается убеждение, что многие беженцы просят о возвращении в Россию, «не дожидаясь официального принятия Советами каких-либо обязательств». Командующий СОС пользуется благоприятными обстоятельствами и отдает приказ о скорейшем удовлетворении требований о возвращении, «дабы не допустить, чтобы распространители неверных слухов отрицательно повлияли бы на желающих уехать»¹²⁷. Французским начальникам лагерей указывается сообщить беженцам, что «французское правительство далеко от идеи задерживать их на Лемносе, и считает выгодным для них самих репатриацию наибольшего количества беженцев». Заботясь исключительно о скорейшем рассеянии этих беженцев, стоящих французской казне огромных сумм, Шарпи в своей переписке ни разу не затрагивает вопрос о дальнейшей судьбе этих «контрреволюционеров» после возвращения в Советскую Россию.

В связи с этим приказом Бруссо просит Фостикова подытожить численность добровольных возвращенцев, подчеркивая, что «эти меры принимаются с исключительной целью гарантировать их личную неприкосновенность»¹²⁸. Добровольцы будут разоружены и впредь до отъезда будут считаться гражданскими беженцами. Фостиков производит требуемый подсчет 25 января, но одновременно, пользуясь суматохой, отдает свой приказ, от которого у Бруссо буквально захватывает дух: «Предупреждаю, что ни Главнокомандующий (Врангель), ни правительство Кубани, ни атаман, ни я сам [...] не можем нести ответственности за тех, кто желает возвращения в Россию [...] их безопасность не может быть гарантирована. Этого мнения придерживается и французское правительство. Возможность перехода лиц военных в категорию беженцев предусмотрена при условии небольшого количества желающих, так как можно было предполагать, что они состоят исключительно из лиц, эвакуированных из Крыма случайно или против воли [...] Сейчас стало ясно, что количество желающих достаточно велико, что я объясняю их незнанием обстановки».

В итоге Фостиков объявляет, что лишь гражданским беженцам разрешается возвращение в Россию, а что касается военных, то «те, кто выразил желание вернуться в Россию [...] остаются при своих частях и продолжают нести службу, как раньше. Все уклоняющиеся от

¹²⁶ SHMT, 56 C 59–60, письмо 2566/3 Начштаба СОС вице-адмиралу де Бон от 01.12.1920.

¹²⁷ Ibid., 56 C 61–62, письмо 3249/3 ген. Шарпи Командующему Восточно-средиземноморской эскадрой от 04.01.1921.

¹²⁸ SHAT, 20 N 1155, записка 1138 ген. Бруссо от 18.01.1921.

службы или от нарядов, кто не подчиняется приказам или занимается пропагандой [...] подлежат аресту [...] как лица, препятствующие дальнейшей борьбе с большевиками»¹²⁹.

Можно понять реакцию Фостикова и его горечь: 6931 человек выразили желание вернуться в Россию, т. е. около 40 % всего населения Лемносских лагерей. В Кубанском лагере, в самом оплоте Фостикова, это количество достигает 50 %!¹³⁰

Во время бурной встречи Фостиков объявляет Бруссо, что разрешение возвращения в Россию равнозначно расформированию Кубанского корпуса. Эту точку зрения Бруссо разделяет: «Ясно, что если допустить пропаганду и свободу выбора, уехали бы все нижние чины, бросая на произвол судьбы более 3000 офицеров, или так называемых».

Но о причинах мнения расходятся: «Фостиков объясняет этот исход пропагандой, грозящей уничтожением семейств невозвращенцев, а также слабодушием самих казаков, этих больших детей. Я скорее вижу здесь отчуждение нижних чинов от неспособного офицерства, потерявшего свое достоинство, лгунов, жуиров и воров, и отвращение к власти, оказывающей им снисхождение».

Бруссо восстает против плохого обращения, которому подвергаются кандидаты-возвращенцы со стороны офицеров: «Конфискуют одежду, одеяла, сокращают пайки, и были даже случаи актов насилия». На это Фостиков отвечает угрозой «разделаться» с теми 100 или 150 «агитаторами», которые занимаются «пропагандой» за возвращение домой. В таком случае, реагирует Бруссо, он, не колеблясь, прибегнет к помощи орудий стационара. В конце концов он добивается от Фостикова туманного обещания, что возвращенцев не станут беспокоить. Предвидя, что погрузка возвращенцев будет сопровождаться буйством, Бруссо требует подкрепления войсками и судами. Он их не получит. В сильном раздражении генерал заканчивает свой рапорт словами: «Мы в крайне затруднительном положении!»¹³¹ Начинается битва за сохранение Врангелевской армии. Тут явно допускаются любые ходы. Врангель со штабом на деле стараются непосредственно договориться с Сербией, Болгарией, Чехословакией и Венгрией, чтобы те согласились принять у себя определенные части с сохранением их военного статуса, готовые возобновить борьбу при первой возможности. Массовое возвращение разрушает этот план.

Ввиду того, что Франция не признает Советское правительство, контакты возлагаются на Красный Крест. 20 января председатель Международного Красного Креста направляет в Москву телеграммы наркому иностранных дел Чичерину, с просьбой «разрешить и упростить возвращение россиян, изъявивших таковое желание»¹³². Ответа не последует. Тогда прибегают к иной стратегии: поставить Советы перед свершившимся фактом, направив им корабль с беженцами, с борта которого уполномоченным лицом будет направлена телеграмма, умоляющая их принять.

Первая репатриация, через Новороссийск

Желающих вернуться слишком много для одного судна. К 7000 лемносцам надо добавить 2888 донцов из лагеря в Чаталджи. По просьбе Врангеля, именно эти донцы погрузятся первыми на первый корабль. Свободных мест остается около 500; это для донцов с Лемноса.

12 февраля первые 558 человек покидают остров. Один французский моряк кратко пишет, что «все прошло спокойно, как и среди отбывших, так и у тех, кто не смог погрузиться

¹²⁹ Ibid., приказ 31 ген. Фостикова от 28.01.1921.

¹³⁰ SHMT, 57 С 27, записка 69 лейтенанта Годен де Вилен Командующему Восточно-средиземноморской эскадрой от 06.02.1921.

¹³¹ SHAT, 20 N 1155, письмо 176/5 ген. Бруссо Командующему СОС от 09.02.1921.

¹³² ADQO, Фонд «Европа 1918-40», дело «СССР 259», радиограмма Адора Чичерину от 20.01.1921.

из-за нехватки мест»¹³³. На имя советских наркомов посылается подписанная уполномоченными следующая телеграмма: «Около 2000 казачьих беженцев¹³⁴ желают вернуться на Родину через Новороссийск. Перевозящее их судно прибудет к месту контроля на новороссийский рейд 15 февраля. Просят о разрешении высадиться в Новороссийске. Безоружны»¹³⁵.

После перепалки, переговоров под водку и продолжительных допросов пассажирам разрешают сойти на берег. Ввиду удачного начала намечается новая репатриация на конец марта. Советские власти готовы принять новый контингент уже в Одессе.

Вторая репатриация, через Одессу

Через неделю после первой репатриации на Лемнос приехал Врангель. В своем обращении к войскам он подтверждает, что никого не удерживает, но также клеймит тех, кто голосовал за возвращение в Россию. Командир стационара замечает, что «после этого посещения списки кандидатов на репатриацию резко сократились»¹³⁶. Одновременно, по данным французской разведки, секретный циркуляр русского штаба предписывает начальникам лагерей бороться с пропагандой о репатриации, подчеркивая, что большевики абсолютно ничего не гарантируют возвращенцам¹³⁷, что, кстати, оказывается правдой.

Результаты этого русского «контрнаступления» чувствительны. По данным русской разведки, «число желающих возвращения в советскую Россию сократилось до ничтожных размеров: около 1000 человек на весь кубанский корпус. Эти лица сведены в отдельную группу, содержатся в неблагоприятных условиях. За ними ведется непрерывное наблюдение»¹³⁸.

16 марта Бруссо принимает у себя делегацию от этой группы с тем, чтобы сообщить им об удачном завершении первой репатриации. Пользуясь случаем, он расспрашивает их об издевательствах, которым они якобы подвергаются со стороны офицеров. Кубанцы подтверждают: «Нам не выдают ни белья, ни обуви, и многие из нас ходят босыми». Затем Бруссо хочет узнать, есть ли среди казаков, оставшихся в частях, желающие вернуться в Россию: «Все желают, но их сдерживает страх перед начальством. Мы не знаем, что нас ждет дома, но нас влечет любовь к родной земле, а вопросы политики мы отбрасываем».

Бруссо сразу же докладывает об услышанном ген. Шарпи и заканчивает следующими словами: «Мне ясно, что в тот день, когда казаки смогут свободно изъявить свою волю, под защитой французских штыков и в присутствии на рейде судна для их перевозки, большинство из них уехало бы»¹³⁹.

Выйдя от Бруссо, пятеро уполномоченных тотчас арестовываются по приказанию Фостикова официально как бунтовщики, за отказ от выполнения нарядов и бросание камней в офицеров. Плохо одетых и обутих, их выгоняют на работу под открытым небом, несмотря на «отвратительную», по словам Бруссо, погоду и несмотря на то, что в тот день никто вообще на свежем воздухе не работал¹⁴⁰.

При подобной систематической обструкции, в отличие от системы первой репатриации, французские власти решают погрузить на следующий рейс всех желающих, не считаясь с мнe-

¹³³ SHMT, 57 С 27, доклад 6 лейтенанта Лелюка Командующему Восточно-средиземноморской эскадрой от 12.02.1921.

¹³⁴ На самом деле их 3370.

¹³⁵ SHMT, 56 С 61–62, письмо 3312/3 ген. Шарпи Командующему Восточно-средиземноморской эскадрой от 10.02.1921.

¹³⁶ Ibid., 57 С 27, доклад 12 лейтенанта Лелюка Командующему Восточно-средиземноморской эскадрой от 24.02.1921.

¹³⁷ SHAT, 20 N 1097, сводка 25 разведывательной службы в Константинополе от 02.03.1921.

¹³⁸ Ibid., 20 N 1155, отчет 12 русской разведывательной службы на Лемносе от 06.03.1921.

¹³⁹ Ibid., письмо 1464 ген. Бруссо Командующему СОС от 16.03.1921.

¹⁴⁰ Ibid., письмо 186/5 ген. Бруссо Командующему СОС от 18.03.1921.

нием Врангеля, и предупредить беженцев лишь за сутки до отправки. Предусмотрены два крупных судна на более чем 6000 человек¹⁴¹.

Все происходит чисто по-военному. 25 марта «Решид-паша» бросает якорь у Лемноса: на борту последняя группа донцов из Чаталджи. На следующий день, 26 марта, т. е. за 24 часа до отправки, по приказанию Бруссо в лагерях объявляется следующее: «Генерал Шарпи, командующий СОС, мне сообщает, что Верховный комиссар Французской Республики на Востоке объявил генералу Врангелю, что правительство решило вскоре отменить кредиты на содержание русских беженцев, а также сообщает, что французское правительство не намерено ни способствовать, ни допустить новое выступление армии Врангеля против Советской власти. Врангелю сообщается, что в настоящих обстоятельствах у беженцев есть три альтернативы: 1) возвращение в Советскую Россию, 2) переезд в Бразилию и 3) личный поиск средств на удовлетворение нужд. При подобном ясном положении вещей необходимо пресечь различие между гражданскими и военными беженцами, и принимать и тех и других на равных началах, если они выразят желание воспользоваться одним из предлагаемых выходов. Французское правительство располагает сведениями, что [...] лицам, уже направленным в Новороссийск, был оказан хороший прием и не было причинено никакого вреда [...]

Итак, [...] начальникам лагерей Мудрос Восточный и Мудрос Западный предписывается довести настоящий приказ до сведения своих подчиненных с тем, чтобы мне было доложено к завтрашнему дню, к 18 часам, а по возможности раньше, о количестве желающих вернуться в Совдепию¹⁴² [...]. Свобода выражения мнения сохраняется за всеми, а те, кто будут препятствовать этому, понесут ответственность перед французской властью. Настоящий приказ будет прочитан войскам полностью, а затем расклеен в лагерях»¹⁴³.

Немедля вступает в действие русская контрпропаганда. Вот как ее описывает Бруссо: «Это были лишь прогулки по лагерям, речи, крики “ура”, чистая дребедень; короче говоря, обычная инсценировка, применяемая для введения в заблуждение этих впечатлительных народностей»¹⁴⁴.

Офицеры распространяют разные слухи: Сербия и Крит в ближайшее время начнут принимать беженцев, снабжение за счет США... Кубанский атаман запрещает своим казакам уезжать. Наблюдаются случаи избиения офицерами желающих покинуть Лемнос¹⁴⁵. За это время грузятся на борт 1430 человек, вот уж несколько недель демобилизованных в ожидании отправки. Грузятся еще около 500 человек, явившихся по собственному почину к причалу. Около 1100 донцов, прибывших из Чаталджи, объявили себя «возвращенцами», не высадившись на Лемносе. На следующее утро, с 8.30, некий капитан Мишле с конвоем из тридцати вооруженных матросов и четырех конных жандармов появляется у мест расквартирования с вопросом, все ли ознакомились с приказом ген. Бруссо, и повторяет, что каждый свободен уехать. Тем, кто выражает желание вернуться в Россию, предлагается сразу собрать вещи и немедленно направиться в порт к месту погрузки. Приказано обуздывать немедленно все слова и жесты, имеющие издевательский оттенок¹⁴⁶.

Эффективность подобного мероприятия весьма мала, как подчеркивает один французский очевидец: «Нетрудно было предвидеть, что все увенчается лишь скромным успехом; желающие вернуться боятся покинуть ряды под насмешливым взглядом товарищей, и враж-

¹⁴¹ SHMT, 56 С 61–62, телеграммы 3610 и 3611 Начштаба СОС ген. Бруссо от 20.03.1921.

¹⁴² Интересно, что Бруссо – неявно выступая за возвращение казаков на родину – вместе с тем употребил слово «Совдепия», будто не зная о его негативном звучании. – Прим. В. Е. Койсина.

¹⁴³ Ibid., 57 С 27, письмо 1515 ген. Бруссо Командующему Донским корпусом.

¹⁴⁴ Ibid., 56 С 61–62, письмо 190/S ген. Бруссо Командующему СОС от 29.03.1921.

¹⁴⁵ SHAT, 20 N 1155, доклад капитана Буриана от 01.04.1921.

¹⁴⁶ SHMT, 57 С 27, приказ 50 ген. Бруссо от 26.03.1921.

дебным – офицеров. Чувствуется, что их заранее готовили: не успел офицер закончить свою речь, как раздается как по команде единодушный крик: желаем остаться в армии Врангеля»¹⁴⁷.

В Кубанском лагере Мишле ожидает живописный маршрут, который он детально описывает во всех своих докладах. По пятам за ним следуют Фостиков и около тридцати русских офицеров, с оружием. В «надежных» частях прием отлично отрететирован. Например, гвардейский полк¹⁴⁸ единогласно выражает желание уехать... в Германию: «Этот коллективный ответ произвел у свидетелей, господ и дам из штаба [...] взрыв удовлетворения и насмешек, покрытых неизбежной музыкой».

В Алексеевском училище – ни одного желающего, что неудивительно: «Не успел я закончить речь к кадетам, как те, в знак преданности начальнику училища генералу Лебедеву, стали его по русскому обычаю качать под несмолкаемое “ура”».

Тут два офицера объясняют Мишле, что настоящие казаки вернутся в Россию лишь с оружием в руках; «дабы прекратить эту бессмысленную и не раз уже слышанную болтовню, я им ответил, что коли у их казаков так чешутся руки по оружию, то зачем они им не воспользовались получше тогда в Крыму»¹⁴⁹. На этот остроумный ход последовал официальный протест Врангеля.

Инциденты продолжают, как только объявляются желающие возвращения на родину: «Желающих берут в оборот их товарищи и начальство, обвиняют в краже обмундирования. Но один из кандидатов на отъезд [...] показывает мне свои босые ноги. Я требую, чтобы его экс-начальство вернуло ему обувь, на что следует частичное удовлетворение: изношенные и негодные туфли».

Тогда именно и происходит инцидент, который повлечет за собой выдворение ген. Фостикова с Лемноса. Несколько офицеров бросаются на отъезжающих с целью отобрать шинели и новую обувь: «Я приказал жандармам арестовать одно особенно грубое лицо [...], что и было исполнено, несмотря на то, что этот тип яростно отбивался, поощряемый своими начальниками и даже самим генералом Фостиковым. [...] Фостиков приказал офицерам, наблюдавшим за происходившим, вырвать его из рук жандармов. Приказ был исполнен охотно, и жандармам пришлось отпустить пленника»¹⁵⁰.

Из всех отчетов явствует, что захотело уехать лишь небольшое количество беженцев. Чем тогда объяснить факт, что погрузилось до 6000 человек? Отвечает сам ген. Бруссо: «Нужно сказать, что на призыв французского офицера отозвалось довольно ограниченное количество казаков. Зато гораздо больше их тайком покинули ряды по дороге к месту посадки, пользуясь ослаблением внимания офицеров»¹⁵¹.

В Донском лагере погрузка происходит гораздо спокойнее, несмотря на то, что немало инцидентов имеют место и здесь (у желающих уехать отбирается одежда, офицеры поворачиваются спиной к говорящему и т. д.). Но на борту «Решид-паши» напряженность разряжается. Один офицер из комсостава ген. Бруссо обращается со следующими словами к 3300 беженцам. Вот его отчет: «Я попросил желающих отбытия в Совдепию встать группой [...], что и было исполнено с явным удовольствием. Я поднялся на верхнюю палубу, откуда мог охватить всю массу людей [...]. Простым поднятием руки я добился тишины. Я начал с того [...], что сообщил от имени генерала Бруссо, что тот желает им доброго пути и благополучного возвращения. Меня прервали крики благодарности и “ура”. Простой жест рукой, и вновь наступает

¹⁴⁷ SHAT, 20 N 1155, доклад капитана Буриана от 01.04.1921.

¹⁴⁸ Донской лейб-гвардии сводно-казачий полк, в котором на Лемносе был И. Сагацкий. – Прим. В. Е. Койсина.

¹⁴⁹ Ibid., доклад капитана Мишле от 11.04.1921.

¹⁵⁰ SHMT, 56 С 61–62, доклад капитана Мишле от 27.03.1921 (Полный текст доклада, датированного 26.03.1921, приведен в статье С. С. Поповой: Франция и проблема возвращения врангелевцев в Советскую Россию в 1921 г., с. 260–261. – Прим. В. Е. Койсина).

¹⁵¹ SHAT, 20 N 1155, письмо 198/S ген. Бруссо Командующему СОС от 12.04.1921.

тишина. [...] Один человек просит слова. Я, конечно, ему не отказываю. Он просит меня от имени своих товарищей поблагодарить французское командование и, в частности, генерала Бруссо за оказанное гостеприимство и за предоставленную им возможность освободиться от скверного обращения своего офицерского состава»¹⁵².

27 марта в 12.30 «Решид-паша» выходит в море. Продолжается погрузка на «Дон». Тот, в свою очередь, выходит в море рано утром 31 марта. На борту 3188 человек. Перед отплытием тот же самый офицер поднимается на борт и произносит ту же речь: «Повторилась сцена, имевшая место на “Решиде”, но, может быть, с меньшим энтузиазмом. Тем не менее, слова мои были встречены хорошо и сопровождалась криками “ура”»¹⁵³. По прибытии в Одессу, по сведениям французской спецслужбы, они были встречены духовым оркестром, звуками Интернационала и речами: «Красные встретили солдат весьма дружелюбно. Их построили в колонны и направили в казармы, где накормили. Находившихся среди них офицеров встречали более сухо. Их построили отдельной частью, но ни о каком плохом обращении слухов нет»¹⁵⁴.

Советские власти объявляют даже, что будут рады принять беженцев, еще находящихся в Константинополе: «Большинство из них рядовые казаки, мобилизованные крестьяне, мелкие служащие. Никому из них не закрыто возвращение на родину, их ждут, их простят»¹⁵⁵. Но одновременно те же власти сообщают, что подобная репатриация сможет произойти лишь по соглашению на уровне правительств, что для Франции совершенно неприемлемо. Похоже, что «русский выход» закрывается.

Итак, за несколько дней в Россию вернулось более 6000 человек. Не отозваться на подобное оскорбление Врангель, конечно, не может. В официальном коммюнике, а также в письме на имя французских маршалов, он пишет о явном предательстве. Врангель также направляет письмо французскому Верховному комиссару в Константинополе, донося на генерала Бруссо: «... Лемносские власти в своем служебном рвении зашли, похоже, слишком далеко и злоупотребили моим солдатским доверием...». Врангель вперемешку обвиняет Бруссо в пропаганде с целью опорочить русское офицерство, в их оскорблении и унижении использованием вооруженной силы, насильной погрузке нерешительных казаков, в запрещении покинуть судно после погрузки. Потеряв всякую надежду, как пишет Врангель, некоторые из них бросились в море, дабы избежать насильственной репатриации. Копию этого письма Врангель направил ген. Бруссо. Его рукой на полях письма трижды написано «ложь», трижды «неточно», а там, где говорится о бегстве вплавь, помечено «ложь и чепуха»¹⁵⁶.

Верховный комиссар США также получает письмо, в котором говорится, что Бруссо насильно под угрозой штыков погрузил 3000 казаков. История о насильственной погрузке казаков для выдачи их Советам подхватывается белогвардейской печатью, «Общим Делом» в Париже, «Русью» и «Новым Временем» в Белграде. Описываются душераздирающие сцены, как казаки рыдают, проплывая в Константинополе мимо яхты Врангеля, как три офицера выданы красным в наказание за то, что покинули Лемносский лагерь без разрешения¹⁵⁷. Правая рука Врангеля, ген. Шатилов, берет на себя распространение подобных слухов во время поездок в Сербию. Российское эмигрантское общество, конечно, сильно встревожено.

Бруссо реагирует. Вот что он пишет ген. Абрамову, недавно заменившему Фостикова: «Если несколько человек спаслись вплавь, то имена их должны быть известны. Где они и кто они? Было бы интересно узнать, обращались ли они на самом деле к кому-то с просьбой раз-

¹⁵² Ibid., доклад мл. лейтенанта Шмитта от 29.03.1921 (полный текст доклада см.: Франция и проблема возвращения врангелевцев в Советскую Россию в 1921 г., с. 261–262. – Прим. В. Е. Койсина).

¹⁵³ Ibid.

¹⁵⁴ Ibid., 20 N 1097, сводка 131 разведывательной службе в Константинополе от 13.04.1921.

¹⁵⁵ Ibid., 20 N 1154, радиограмма из Москвы от 05.04.1921.

¹⁵⁶ Ibid., 20 N 1155, письмо 5949 ген. Врангеля ген. Пелле от 02.04.1921.

¹⁵⁷ Статья в «Новом Времени» 26.04.1921.

решить им сойти на берег. Прошу Вас разыскать этих лиц и направить их ко мне. Они будут допрошены в присутствии русского офицера, Вами назначенного. Если они будут говорить правду – а Вы меня достаточно знаете, – никто их тревожить не станет. В противном случае Вы согласитесь, их обман должен быть наказан, и правда восстановлена»¹⁵⁸. Через неделю поступает довольно путаное письмо от начштаба ген. Абрамова. Говорится о слухах, что якобы один казак бросился в море, но найти его не удалось, так как он утонул. Таким образом, уже невозможно доказать правду о происшествии, тем более, что прошло уже порядочно времени¹⁵⁹.

А Врангель получает от Бруссо краткое и весьма достойное письмо, к которому прилагается орден, полученный при эвакуации Крыма.

Другие направления

Другое предлагаемое французами направление – Бразилия. Штат Сан-Паулу согласен принять 10 000 человек сельскохозяйственных рабочих на кофейные плантации. Но к концу февраля добровольцев насчитывается не более 250. Это можно объяснить тем, что русский штаб распространял слухи о том, что вскоре русские войска готова принять Сербия. Но также и тем, что тот же штаб описывал Бразилию как страну ужасов, где свирепствуют тропические болезни и где с русскими будут обращаться, как с рабами, под плетью плантаторов¹⁶⁰.

В конце концов, 29 апреля к месту посадки на пассажирский пароход «Рион» явились 1029 казаков¹⁶¹.

Сразу после Великой Войны некоторым успехом пользуется идея пополнить ряды Иностранного легиона за счет воинов из славянских стран. Уравновесить состав легиона необходимо ввиду того, что, по словам Аристиды Бриана, в нем преобладает германский элемент¹⁶². Но казак Свидин придерживается иного мнения: «У Франции на плечах война в Марокко, и ей было бы неплохо воспользоваться такими замечательными воинами, какими являются казаки»¹⁶³.

Несмотря на настоящие чины, все добровольцы зачисляются солдатами 2-го класса. В военных архивах мы обнаружили следы не более 470 добровольцев с Лемноса.

Славянские страны открывают двери

С декабря 1920 г. отъезд в Сербию был невозможен, несмотря на неоднократные просьбы французских властей и Врангеля. За неимением материально-технических средств Сербии оказалось непросто принять даже те 20 000 человек, согласованных в первые дни эвакуации.

В начале апреля Врангель, тем не менее, сообщает французским властям, что сербский принц-регент желает использовать часть русской армии на государственной службе (пограничная охрана, строительство железных дорог и шоссейной дороги Ниш – Мистровица). Немного позже он заверяет, что в результате поездки в Болгарию его начальника штаба ген. Шатилова болгары готовы принять 7000 человек.

¹⁵⁸ SHAT, 20 N 1158, письмо 211/S ген. Бруссо ген. Абрамову от 05.05.1921.

¹⁵⁹ Ibid., письмо 465 полк. Никольского ген. Бруссо от 11.05.1921.

¹⁶⁰ Ibid., 20 N 1138, объявление русского командования [лагеря], дошедшее [до сведения] французского командования 07.03.1921.

¹⁶¹ Большинству не удастся попасть в Бразилию (см.: *Баньи Б.* Русские на Корсике // *Les Russes en Corse. tudes corses* 49, 1999, p. 123–167). Поль Робинсон, желая подкрепить свой тезис о галлиполийцах, морально более устойчивых по сравнению с лемносскими казаками, утверждает, что большинство изъявивших желание уехать в Бразилию были именно казаками. На самом деле «Рион» взял казаков на Лемносе 1029 человек, а солдат в Галлиполи – 1913.

¹⁶² ADQO, фонд «Европа 1918–40», дело «СССР 259», письмо Председателя Совета Министров военному министру от 24.01.1921.

¹⁶³ Svidine, *Le secret de Nicolas Svidine*, p. 119 (*Свидин Н.* Тайна казачьего офицера, с. 119).

Французские военные власти относятся ко всему этому довольно скептически: ведь Врангель уже неоднократно распространял подобные слухи, а результатов так и не последовало.

Французы подозревают, что слухи эти являются попыткой, весьма слабой, кстати, подорвать отъезды в Россию или в Бразилию. Ко всем этим сведениям относятся с еще большим недоверием, так как все они исходят от ген. Шатилова, а тот за время своей поездки по Балканам яростно критиковал Францию на страницах местной печати. С другой стороны, Врангель настаивает на том, чтобы первые эшелоны отъезжающих состояли из казаков с Лемноса, а именно Кубанского технического полка. Такова якобы договоренность между ген. Шатиловым и сербским правительством. Французам, наоборот, желательно, чтобы уехали регулярные части из Галлиполи. Будучи более активными участниками Гражданской войны, они не особенно рвутся домой на родину. Разочарованный ген. Шарпи пишет, что, «продолжая свою тактику, русским хочется избавиться от казаков и одновременно сохранить целой свою армию в Галлиполи»¹⁶⁴.

28 апреля, наконец, следует официальное подтверждение: французский военный атташе в Белграде сообщает, что сербское правительство согласно принять 5000 человек в качестве рабочей силы¹⁶⁵.

Новость молниеносно разносится по острову; русское начальство отдает приказ о погрузке 1-го Кубанского дивизиона; больные, не желающие остаться на Лемносе, выписываются из госпиталей... Рассказывает командир стационара: «Эвакуация, обещанная на Пасхальной неделе, ожидаемая изо дня в день, так и не произошла и, похоже, наступит не скоро. Царит лихорадочное, нервное настроение и даже разочарование. Все сказывается на почти полной остановке работ: никто уже не собирается обустроиваться»¹⁶⁶.

На самом же деле первая крупная эвакуация на Балканский полуостров будет не в Сербию, а в Болгарию.

Отъезды в Болгарию

В начале мая болгарское правительство сообщает французскому послу в Софии, что согласно немедленно принять 2000 человек на сельскохозяйственные работы и лесозаготовки, а также как рабочую силу на заводы и железнодорожное строительство. Врангель просит, чтобы это были исключительно лемносские казаки, но Шарпи не согласен и решает погрузить по тысяче человек на Лемносе и в Галлиполи. 23 мая на Лемнос приходит «Херсон», успев уже взять галлиполийскую тысячу. Спокойно и в полном порядке происходит посадка 1030 донцов, 6 генералов, 53 женщин и 14 детей. «Этот отъезд – первый, который русское командование организует и непосредственно им руководит», – замечает командир стационара¹⁶⁷. Естественно! Ведь это первый отъезд, который полностью отвечает их намерениям.

Но блаженствовать приходится недолго. По прибытии в порт Бургас болгарское начальство воспротивилось высадке. На борт поднимается полковник и показывает бумагу Генерального штаба, в которой говорится, что «погруженные в Галлиполи являются бунтовщиками, покинувшими свой лагерь без разрешения своего начальства. При таких обстоятельствах мы не можем принять их на свою территорию, так как мы просили рабочую силу и людей послушных»¹⁶⁸. Наконец, после продолжительных переговоров болгары разрешают высадиться всем.

¹⁶⁴ SHAT, 20 N 1155, пометка на полях письма 6257 ген. Шатилова ген. Шарпи от 02.05.1921.

¹⁶⁵ Ibid., 20 N 1141, телеграмма 82/3R полк. Депре Военному министерству в Париж от 28.04.1921.

¹⁶⁶ SHMT, 57 C 27, вахтенный журнал 62 лейтенанта Лелюка, капитана авизо «Ажилъ», от 10.05.1921.

¹⁶⁷ Ibid., вахтенный журнал 73 лейтенанта Лелюка, капитана авизо «Ажилъ», от 24.05.1921.

¹⁶⁸ SHMV, 1BV7 249, доклад прапорщика Брезелека от 31.05.1921.

На деле, если на Лемносе русским удалось погрузить два полка с офицерами, то в Галлиполи часть уехавших состояла из демобилизованных, что привело в ярость русского начальника лагеря ген. Кутепова¹⁶⁹.

В связи с происшедшим французское правительство немедленно обращается к ген. Шарпи и Верховному комиссару: «Мне сообщают, что французские военные власти препятствуют переезду русских беженцев в Болгарию и Сербию, предоставляя эту возможность в первую очередь лемносским беженцам, и лишь потом галлиполийцам. Напоминаю, что нашей главной заботой остается избавиться от беженцев, и это соображение должно преобладать над всеми другими»¹⁷⁰.

Похоже, что на этот раз Врангель остается в выигрыше: кому уезжать в первую очередь, впредь будет решать его штаб!

25 июня происходит новый отъезд в Болгарию, но на этот раз организованный не русским начальством, а Казачьим Союзом: на «Самару» грузят 1089 казаков, в большинстве донцов. Но оба представителя Союза, которым был поручен отбор отъезжающих, прибывают на Лемнос с двухдневным опозданием. «Самара» отбыла. Они в ярости: им требовались кубанцы, а отнюдь не донцы! Майор Брюн, заменивший Бруссо, оправдывается: «Никто меня не предупредил об этой детали, а тысячи кубанцев здесь и не было»¹⁷¹.

На самом деле, воспользовавшись отсутствием делегатов Союза, русское начальство погрузило смешанные воинские части с двумя генералами. Далекое они не уехали: по прибытии в Константинополь, во избежание новых столкновений с болгарями, французы отправляют беженцев назад на Лемнос. Это возвращение сильно раздражило ген. Абрамова. Он отказывается отдать приказ своим войскам на выгрузку и всеми силами старается добиться мятежа на борту. Напрасные усилия. В отчете Брюна читаем, что «все попытки установить связь между берегом и судном (шлюпки, пловцы, рупор...) были перехвачены и, таким образом, за неимением поддержки на суше сопротивление на корабле оказалось не особенно серьезным»¹⁷².

Теперь отъезжающих отбирают делегаты Союза, но это происходит в весьма напряженной атмосфере: «Регистрация на отъезд велась во французском лагере и, таким образом, все предосторожности с русской стороны оказались тщетными (запрещение записываться, угрозы, аресты, попытка оцепления лагеря часовыми и т. д.), а наплыв был таков, что русское командование очень скоро почувствовало свое бессилие. Влияние ген. Абрамова на войска сильно понизилось, и меня несколько не удивило бы, что после новой попытки в том же духе ему придется подать в отставку. Наши с ним отношения, естественно, натянуты»¹⁷³.

10 июля «Решид-паша» берет на борт 904 беженца, отвечающих требованиям Союза. В порту Варна французам снова приходится вести бесконечные переговоры с болгарским начальством, не особенно желающим высадки после нового демарша Врангеля, взбешенного тем, что эта эвакуация произошла без его разрешения¹⁷⁴. 18 июля беженцы, наконец, сходят на берег.

Последние отъезды в Болгарию происходят в конце августа и начале сентября 1921 г. На этот раз состав выбирается русским командованием; 27 августа 1186 казаков направляются в Бургас, спустя два дня туда же отбывают еще 1200 человек. В начале сентября на «Самару» грузятся 1300 казаков. А немного позже в Болгарию отправляются воинские части в составе

¹⁶⁹ А. П. Кутепов был спустя несколько лет в Париже среди бела дня похищен советской секретной службой и, вероятно, казнен.

¹⁷⁰ ADQO, фонд «Европа 1918-40», дело «СССР 264», телеграмма 1148 Перетти де ла Рокка (Peretti de la Rocca) Верховному комиссару в Константинополе от 08.06.1921.

¹⁷¹ SHAT, 20 N 1158, письмо 2139 майора Брюна Командующему СОС от 28.06.1921.

¹⁷² Ibid., письмо 230/S майора Брюна от 10.07.1921.

¹⁷³ Ibid.

¹⁷⁴ Vernachot, *Les armées françaises en Orient*, p. 109 (*Бернашо Ж.* Французские вооруженные силы на Востоке после перемирия 1918 г. Париж: Государственная типография, 1972, с. 109).

еще 3500 казаков. За неимением архивных сведений мы не знаем обстоятельств этой эвакуации.

В Сербию

Наряду с Болгарией Сербия – место, о котором мечтают и русское начальство, и большинство беженцев. Когда в начале мая епископ Вениамин, бывший Севастопольский, в пасхальные дни прибывает на Лемнос с архипастырским визитом, он в своих речах и проповедях везде высказывается за Сербию. Врангелю это невозможно, так как он на Лемносе – персона нон грата.

Одним из препятствий массовой переброске беженцев в Сербию была перегрузка порта Котор¹⁷⁵. Но 11 мая это препятствие устраняется. Греческое правительство дает согласие на высадку беженцев в Салониках и их перевозку по железной дороге до югославской границы. На пограничном пункте Гевгели беженцев ожидает устроенный югославским министерством общественных работ санитарный пост (ванны, дезинфекция, буфет). Следуя указаниям своего правительства, во избежание повтора унижения, имевшего место при первой перевозке в Болгарию, французское военное начальство не вмешивается в проведение Врангелем переезда 5000 человек в Сербию. Приоритет отдается Лемносу.

¹⁷⁵ Котор – город и порт в Черногории. – Прим. В. Е. Койсина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.